

С Л У Ж И Т Ь Р О С С И И

**НАТАЛИЯ
НАРОЧНИЦКАЯ**

**РУССКИЙ
КОД РАЗВИТИЯ**

**ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ
ДОПОЛНЕННОЕ**

Наталья Алексеевна Нарочницкая

Русский код развития

Серия «Служить России»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17082822

*Русский код развития. Второе издание, дополненное. (Серия «Служить России»): Книжный Мир; Москва; 2015
ISBN 978-5-8041-0779-7*

Аннотация

Новое издание книги известного политика, ученого, общественного деятеля Натальи Алексеевны Нарочницкой посвящено самым острым политическим, историческим, международным проблемам современности.

Исследования и выступления Натальи Алексеевны Нарочницкой отличает широта подхода, академизм и острота. Она является автором фундаментальных разработок по внешней политике России, проблемам русского национально-государственного сознания, современному западноевропейскому либерализму.

«Будущее в нашей стране, пишет Наталья Алексеевна, – за теми, кто оставит заблуждения прошлого, но не будет глумиться над памятью жизни отцов, совершая грех библейского Хама. Будущее за теми, кто, безусловно, утвердит свободу, ибо это вовсе не либеральная, а глубоко христианская категория». Будущее за

теми, кто не побоится во всеуслышание сказать, что русский народ, православный по культуре и по вере, есть основатель и стержень российской государственности. Наверное, это и есть русский код. Не только Наталии Нарочницкой. Это наш, общий, русский код!

Второе издание, дополненное.

Содержание

Предисловие	6
Русский код	24
Когда же придёт настоящий день?	24
Россия в новых геополитических реальностях	40
Россия должна сосредоточиться	54
Русский код для инвестиций	68
Воспоминания о Вадиме Валериановиче Кожинове	97
Наследие Столыпина актуально и сегодня	105
«Кризисы заканчиваются. Вопрос в том, какими мы выходим из них...»	111
Хочется воскликнуть, как Суворов: «я – русский, какой восторг!»	131
Конец ознакомительного фрагмента.	135

Наталья Нарочницкая

Русский код развития

© Н.А. Нарочницкая, 2015

© Книжный Мир, 2015

*** * ***

Предисловие

Русский код Натальи Нарочницкой

В политику Наталья Нарочницкая пришла в начале 90-х, в недоброй памяти перестроечные годы, сразу став активным участником патриотического движения. Вначале она прикнула к Конституционно-демократической партии – Партии народной свободы Михаила Астафьева, потом принимала участие в работе Всероссийского национального правового центра, «Всемирных русских соборов», движения «Держава», «Земского собора». Наталья Алексеевна была одним из инициаторов и сопредседателей многих форумов и объединений русской общественности (к примеру, того же Всемирного Русского Собора). Она входила в коллектив авторов их концептуальных программ, заявлений в поддержку неделимости России, в поддержку российской армии в Чечне в 1994–1996 гг., выступала в защиту Русской Православной Церкви, против расширения НАТО и агрессии против Югославии.

Однако широкая публика узнала ее лишь в 2003-м, после того, как Нарочницкая была избрана в Государственную думу от избирательного блока «Родина». Узнала и запомнила, отметив, что могут все же иногда в жизни прекрасные внешние данные сочетаться с умом, блестящей эрудицией, не ме-

нее блестящим талантом полемиста и сильным характером.

Сейчас даже трудно поверить, что с тех пор прошло менее 10 лет – кажется, что Нарочницкая находилась на политическом Олимпе страны всегда, что другого места для нее, с ее знаниями, мощным интеллектом и политическим даром, и быть не может. Сегодня Наталья Алексеевна Нарочницкая – признанный российский политический деятель, историк и политолог. Она – учредитель и президент Фонда исторической перспективы, глава «Института демократии и сотрудничества» (Париж). Доктор исторических наук. Специалист по США, Германии и общим проблемам и тенденциям международных отношений. Автор фундаментального труда «Россия и русские в мировой истории», выдержавшего несколько переизданий. Наконец, великолепный публицист, чьему перу принадлежит немало книг: «За что и с кем мы воевали», «Русский мир», «Великие войны XX столетия» и других.

Во время последней предвыборной президентской кампании Наталья Нарочницкая, к удивлению многих деятелей патриотической оппозиции, числивших ее в своих рядах и выступавших против действующей власти, стала доверенным лицом кандидата в президенты В.В. Путина, выступая в теледебатах, как его представитель. Однако для нее самой ничего странного в том не было. «Я с Путиным, – говорит она, – ибо хочу сохранить предпосылки для той повестки дня, что для меня неизменна в течение 20 лет: подь-

ем из упадка русского народа – основателя и стержня российской государственности; подлинно социальное государство – веление XXI века; самостоятельность России как великой державы на мировой арене; вечные преемственные национальные интересы; русская культура, духовные ценности. Без этих основ, без нравственного целеполагания жизни и истории бессмысленны и бесплодны проекты модернизации и индустриального прорыва. Я стремлюсь к обществу, в котором Вера, Отечество, честь, долг, любовь, семья, справедливость и защита слабых – высшие ценности, за которые стоит отдавать жизнь, как это делали наши предки. Подавляющее большинство близких мне по духу протестных настроений накопились из-за того, что недостаточно сделано именно в этом направлении».

И далее: «...Нам нужны не только честные выборы, но прежде всего честное общество, в котором честь и долг будут выше денег. Не смена власти порушит коррупцию, а смена нравственных ориентиров в каждом из нас!» – заявила она, объясняя свое решение. «Я верю, вижу, знаю, что Владимир Путин не просто сочувствует чаяниям тех 80 % населения, к которым и я принадлежу, но и, без сомнения, хочет быть лидером, который сделал и сделает много для утверждения в истории великой России...

Власть со всей очевидностью понимает, как остры проблемы и как важно в краткие сроки осуществить прорыв в сферах, где все кричит о необходимых переменах. Ясно, что

власть будет составлять свою повестку, думать о кадрах и анализировать причины появления жестких настроений. Наша задача – участвовать в этой повестке. Я осознанно, именно ради этой повестки, поддерживаю Владимира Путина», – утверждает Нарочницкая.

Что ж, можно соглашаться или не соглашаться, но это – позиция, позиция сильного, уверенного в своей правоте человека.

* * *

Откуда же появилась в нашей политике эта удивительная женщина?

Наталья Нарочницкая – дочь академика Алексея Леонтьевича Нарочницкого, принадлежавшего к той узкой и уже, как говорят, почти исчезнувшей плеяде русских историков, которые обладали классическим образованием и энциклопедическими знаниями. Являясь научным руководителем издания дипломатических документов внешней политики России XIX века, он оставил после себя фундаментальные труды по истории международных отношений, впечатляющие широтой охватываемых вопросов и теоретических обобщений, громадным архивным, фактическим и историографическим материалом, редкостной общегуманитарной эрудицией.

Родившись в 1907 году, Алексей Леонтьевич стал очевидцем и в какой-то мере участником событий почти всего столь

богатого историческими катаклизмами двадцатого столетия. Его отец, дед Натальи Алексеевны, Леонтий Федорович, служил директором и преподавателем Черниговского народного училища. Его мать, Мария Владиславовна, потомственная столбовая дворянка из разорившегося рода, работала там же учительницей.

«Неправильное» происхождение чуть было не помешало Алексею Леонтьевичу получить высшее образование, хотя аттестат об окончании гимназии был заполнен сплошь отличными оценками – тогда началась кампания по «пролетаризации вузов». Однако вскоре новая власть сделала послабление для тех, чьи родители трудились на ниве народного просвещения. В результате Нарочницкий закончил Киевский университет. Талант и эрудиция молодого исследователя скоро обратили на себя внимание выдающегося русского историка Е.В. Тарле, и Алексей Леонтьевич, не успев стать даже кандидатом наук, был приглашен в авторский коллектив знаменитой «Истории дипломатии», которая до сих пор впечатляет свободой от классовых заклинаний по любому поводу и глубиной. В результате А.Л. Нарочницкий стал лауреатом Сталинской премии. Это сыграло немаловажную роль в его жизни, во всяком случае, помогло избежать трагических последствий после ареста в 1937 году его старшего брата Юрия.

Казалось бы, Нарочницкому с его не совсем благонадежным происхождением, а затем с анкетой «брата врага наро-

да» было бы безопаснее стать проводником большевистского классового подхода к русской истории. А после начавшейся перестройки было бы понятно и объяснимо говорить о «тюрьме народов», о «проклятом советском тоталитаризме», от которого пострадала и его семья. Но он не сделал ни того, ни другого. Он всегда отстаивал научную картину истории, чаще всего двигаясь в своих исследованиях против доминирующей линии и всегда оставаясь патриотом своего Отечества. Он никогда не был настоящим «идейным» коммунистом, но не был никогда и «антисоветчиком». Сознавая грехи и даже преступления советского периода, он, тем не менее, признавал и его огромную значимость, его неотделимость от всей непрерывной истории России. Отторжение у него вызывало только одно – вечный нигилизм российской «интеллигенции», ее презрение к собственному Отечеству.

Именно отец, Алексей Леонтьевич Нарочницкий, оказал решающее влияние на взгляды и отношение к жизни Натальи Алексеевны. И потому не удивительно, что она сохранила его фамилию, тоже стала историком, исповедует те же взгляды. «Он не скрывал от меня своего скепсиса по отношению к марксизму и к революции, – вспоминает Наталья Алексеевна, говоря об отце. – ...И хотя брат моего отца был репрессирован в 1937-м, он говорил, что именно 20-е (ленинские) годы были страшным глумлением над всем русским, над всем православным и традиционным: Пушкина называли камер-юнкером, а Наполеона – освободителем,

Чайковского – мистиком, Чехова – хлюпиком, Россию – варварской страной... Мой отец радовался тому, что в 30-е годы (именно в тридцатые!) состоялась реабилитация русской истории, хотя эту реабилитацию и приправили классовыми заклинаниями».

Мама же Натальи Алексеевны была учительницей, красавицей, в 21 год стала партизанкой и связной, держала в подполе шесть месяцев еврейку – прятала ее от немцев... Была в немецкой тюрьме, концлагере, совершила побег. А после войны стала историком, написала три книги. Лидия Ивановна прожила долгую жизнь, до конца сохранив здравый ум, твердую память и нежную любовь дочерей – у Натальи Алексеевны есть сестра, тоже историк. Такая вот «историческая» династия, которая многое объясняет – и в характере, и во взглядах.

После школы, продолжая семейную традицию, Наталья Алексеевна решила посвятить жизнь изучению истории и международных отношений, поступила в МГИМО и окончила его в 1971 году с «красным» дипломом. После вуза стала сначала аспирантом, затем научным сотрудником Института международной экономики международных отношений АН СССР, потом, в 1981-м, была направлена на работу в Секретариат ООН. Там она трудилась до 1989 года. Вернувшись домой в разгар перестройки, возвратилась в свой институт и... окунулась в политику, о чем и говорилось в начале статьи.

Удивительно, что, прожив столько лет за границей, в США, Нарочницкая, в отличие от наших «гарвардских мальчиков» типа Гайдара, не стала ни поклонницей западного образа жизни, ни, тем более, апологетом Америки. Напротив – она стала убежденным патриотом славянофильского склада, что и определило ее дальнейшую судьбу и, как ни странно, дальнейшую карьеру. Причем, согласитесь, завидную карьеру. Может, и в самом деле, не все так плохо в «Датском королевстве»?

* * *

Но почему она пошла в политику? Потому что можно ведь иметь определенные взгляды, пусть даже не согласующиеся с политикой власти, но не участвовать в работе партий, в движениях, их публичных мероприятиях и акциях, как и поступает подавляющее большинство людей, тем более – женщин. На этот вопрос, как-то заданный ей журналистами, Нарочницкая ответила:

– Меня подтолкнули Беловежские соглашения. Я и до этого переживала за все то, что происходит... Мне казалось странным, почему люди не видят, как под флагом осуждения тоталитаризма снова возрождена абсолютно ленинская большевистская, нигилистическая интерпретация всей русской истории. Россию снова стали называть тюрьмой народов, что после мая 45-го перестали делать. А когда были под-

писаны Беловежские соглашения, меня охватило такое чувство бессильной ярости и горя! Что я села ночью за пишущую машинку и написала статью, даже еще не зная, как она будет воспринята и где будет напечатана... Статью заметили. Мы тогда объединились в группу, которая сформировалась в Кадетскую партию. Почему Кадетскую? Нам хотелось, чтобы наш патриотизм обязательно был облечен в демократические формы. Кроме того, хотелось обязательно «зайти назад за революцию», чтобы спор велся не между двумя собственно послереволюционными идеями, чтобы революция не воспринималась как нечто данное. В этом была новизна – ведь до нас никто не подвергал сомнению идеологов перестройки, которые с тоталитаризмом боролись теми же методами, что и большевики, но они ту Россию не любили точно так же, как первые большевики, а мы, взяв период до октябрьского переворота, сравнили с тем, что произошло сейчас...

Да, статью заметили, заметили и ее автора. Тем не менее, в Госдуму она попала лишь в 2003 году – как уже говорилось, от фракции «Родина», которая просуществовала, увы, недолго. Но депутатство и связанная с ним публичность принесли Наталье Нарочницкой широкую известность уже не только в патриотических кругах. Она была избрана заместителем председателя Комитета по международным делам Госдумы и главой Комиссии Государственной думы по изучению практики обеспечения прав человека и основных свобод, контролю за их обеспечением в иностранных государ-

ствах. А также заместителем главы делегации Государственной думы в Парламентской ассамблее Совета Европы (ПА-СЕ) – ведь, кроме отличного знания международной политики, Н.А. Нарочницкая владеет пятью иностранными языками.

Но главное было в другом. Став депутатом, Наталья Алексеевна пользовалась, кажется, любой возможностью доносить до людей свои взгляды – взгляды православного патриота, убежденного государственника и на удивление пронизательного политика-международника, видящего подоплеку любых событий, происходящих в самых разных точках земного шара. И, разумеется, в собственной стране.

– Я не радикал, – объясняла она тогда, – мне удивительны люди, которые пятнадцать лет твердят одно: «Банду Ельцина под суд!» Тем временем общество живет без всякого влияния таких радикалов, они же себя обрекают на жизнь только для себя, в своем политическом кружке, и потом удивляются, почему страна голосует иначе. Ведь подтасовать можно не более пяти процентов. Надо ничего не понимать в ситуации и наивно верить в революции, которых страна вообще не выдержит, чтобы выступать в политике с радикально непримиримых позиций. Это сектантство, обрекающее огромную энергию на тупик и вывод из реальной работы, этому лишь радовались все Гайдары и Чубайсы, те, против кого такая энергия направлена. Только спокойное и уважительное действие дает нужный эффект и такой посыл, от

которого нельзя отмахнуться. Только когда русским по мировоззрению языком и понятиями заговорит и задумает отечественная элита, произойдет сдвиг.

Другое дело – идеология, мировоззрение. В качестве «идеолога», то есть человека, работающего в области мировоззрения, я не иду на компромиссы. Политика же – искусство возможного... Разве плохо, что я выступаю на ТВ в самых важных программах как депутат и говорю то, что я говорила всегда, не изменяя своим взглядам, которым экран телевизора придает особую весомость. Вот если бы я изменила своим концепциям и стала говорить иное – тогда я бы изменила себе. По-моему, в предвыборных дебатах на ОРТ я первая на всю страну получила возможность сказать: «Русский народ – это державообразующий народ, это народ православный по вере и культуре, и не мешайте ему быть таким! Я искренне полагаю эту возможность ценнее, чем митинг на 10 000 человек...».

Как видим, с тех пор эта ее позиция не изменилась. И хотя она перестала быть депутатом, идеологом осталась. Причем, как не без оснований считают, – одним из ведущих идеологов той новой России, становление которой началось во время президентства В.В. Путина. И по-прежнему выражает свои взгляды в СМИ, которые, открыв однажды Нарочницкую для себя, уже не хотят с ней расставаться, поскольку убедились: приглашение Нарочницкой в эфир обеспечивает телевизионной или радиопередаче тот самый, необхо-

димый им, вождеденный рейтинг. Потому что за эти годы она сумела добиться того, чтобы ее почитали одним из самых непререкаемых авторитетов в России в области истории и международной политики, несмотря на ее «антилиберальные взгляды». Причем взгляды эти она умеет высказать убийственно логично и, в то же время, элегантно, доступно и ярко. Ну, например, хотите узнать ее взгляды на современную демократию?

– У меня нет никаких иллюзий в отношении системы, которая называется демократией: во всем мире это самая недемократическая система функционирования общества. Только при демократии власть может быть полной противоположностью по мировоззрению, историческим и культурным традициям народу. Это система ПОЛНОСТЬЮ МАНИПУЛИРУЕМАЯ ВО ВСЕМ МИРЕ ЧЕРЕЗ УПРАВЛЕНИЕ СОЗНАНИЕМ. Это одна из причин, почему я и не строю наивных планов, что можно снизу, поднатужившись что-то сломать радикально. Я вообще не верю в философию прогресса и построение идеального общества, всемогущие идеальные законы и общественных институтов. Мы грешники, и имеем то, что заслуживаем по грехам своим. Но надо не складывать руки...

Однажды ведущий одной из телепередач на геополитические темы, сраженный ее безупречной логикой, облеченной в столь же безупречную форму, восхищенно воскликнул: «Вы – Талейран, вы – Талейран!».

«Да, конечно, – ответила ему Наталья Алексеевна. – Политика – это искусство возможного. Этим она, конечно, не ограничивается, но ее главной составляющей является умение определять истинные интересы и мотивации партнеров и вовремя их обезоруживать».

Она умеет это как никто.

Поэтому, может быть, не случайно, в печати, особенно зарубежной, изящную интеллектуалку Нарочницкую нередко называют «леди-ястреб»... Не правда ли, тут же возникают ассоциации с «железной леди» английской политики Маргарет Тэтчер, оставившей такой след в истории своей страны, что ей, единственной еще при жизни, поставили памятник в стенах английского парламента? Маргарет Тэтчер, как мы помним, по общему признанию, отличали неистребимая вера в преимущества свободной энергии, соединенной с национальными интересами. Беспрецедентный рывок английских войск, направленных Тэтчер за океан для утверждения британского права собственности на далекие Фолклендские острова навсегда останется в памяти не только англичан, но и мирового сообщества.

Чем же похожа Наталья Нарочницкая на эту уже почти мифическую фигуру мировой политики, столь много сделавшую для упрочения авторитета и приоритетного места Великобритании в нашем сложном и жестоком мире? Очевидно, железной логикой, бескомпромиссностью в отстаивании национальных интересов России на международной арене и

национально-патриотических ценностей в сочетании с православным консерватизмом – внутри страны. Прочитав этот сборник, в котором собраны выступления, статьи, интервью Н.А. Нарочницкой за последние годы, вы убедитесь в таком выводе сами.

Наталья Нарочницкая обладает редким сочетанием блестящей подготовки в международных отношениях, международном праве, философии, языках с эрудицией в религиозно-философских основах истории. Ее исследования и выступления отличает широта подхода, академизм и острота. Она является автором фундаментальных разработок по внешней политике России, проблемам совмещения русского национально-государственного сознания с философией западноевропейского либерализма.

Блестящий, опытный полемист по международным и философским вопросам, пишущая и свободно дискутирующая на английском, немецком, французском языках, Нарочницкая также с успехом выступает и публикуется за рубежом, в частности, в западноевропейских национально-консервативных кругах, которые обеспокоены утратой Европы роли самостоятельного субъекта мировой истории и культуры и диктатом США и НАТО. Она имеет научные и общественные связи с западноевропейскими учеными и научными центрами (Германия, Великобритания, Франция, Италия, Греция), выступающими за сохранение государствами суверенитета, против глобализации и диктата наднациональ-

ных идеологических, финансовых и военных механизмов, осознающими роль сильной России как единственного препятствия на пути сил, стремящихся к мировому господству. Большим авторитетом и известностью она пользуется в Югославии, где отмечена наградой за ее деятельность.

Очевидно, стоит особо заметить, что труды и исследования Натальи Алексеевны там, за границей, внимательно изучаются, причем не только историками или студентами исторических и политологических институтов, но и действующими политиками. Изучаются они и нашими политиками и международниками. И профессионалы со Смоленской площади, понимающие цену экспертного знания дипломатических источников, нередко вырезают фрагменты «из Нарочницкой», заимствуя по мере надобности ее блестящую аргументацию в защиту, например, российского суверенитета России над Курилами и Калининградом или исчерпывающее объяснение, почему так демонизирован пресловутый «пакт Молотова – Риббент ропа» – «крупнейший провал британской стратегии за весь XX век».

Теперь, наверное, станет более понятна реакция так называемой «международной общественности на назначение в 2008 году Н.А. Нарочницкой руководителем Института демократии и сотрудничества (Париж). Не всем за рубежом это назначение понравилось. Так, в «Фигаро» тут же появилась статья, в которой восхищение сменялось неприязнью, а неприязнь – восхищением.

«Какого необычно политического и интеллектуального эмиссара Москва направила в Париж, – писала эта известная газета. – Бывший депутат фракции националистической партии «Родина» Наталия Нарочницкая – темно-рыжие волосы, бледная кожа, зеленые миндалевидные глаза, тонкие губы, опасный полемист – не была переизбрана в парламент на российских выборах, состоявшихся в декабре, ее партия вышла из фавора Кремля. Но эта пассионария нового российского национализма, сторонник теории заговора, организованного Западом с целью изолировать Россию, кажется, получила «утешительный приз». Она прибывает во Францию с миссией создать Институт демократии, задачей которого станет изучение проблем, с которыми демократическая система сталкивается... в Западной Европе. В некотором роде симметричный ответ России Западу...

Наталия Нарочницкая – тонкая штучка, она благоразумно остерегается вешать на себя «путинский ярлык». «В отличие от измышлений журналистов, я – не посланец ни Кремля, ни Путина, и на меня не льется чудесный «золотой дождь», – говорит она в свою защиту, расплывчато упоминая о фонде... который ее финансирует... С ироничной улыбкой на губах Наталия Нарочницкая, которая хорошо говорит по-французски, уверяет, что приехала не для того, чтобы давать уроки демократии Франции. «Этой старой демократической стране, которая видела революцию, Робеспьера, террор...», – не без ехидства добавляет она. Ее роль – «на-

чать дебаты», которые, она надеется, будут плодотворными, о различных концепциях демократии...».

Сейчас, по прошествии нескольких лет, можно с уверенностью сказать – миссия удалась, дебаты активно ведутся и проходят вполне плодотворно, способствуя лучшему пониманию российской позиции при обсуждении различных вопросов международной политики, будь то размещение элементов ПРО или события на Кавказе. А российский Институт демократии и сотрудничества стал авторитетной организацией, работу которой не оставляют своим вниманием французские СМИ.

За свою многостороннюю деятельность, направленную на отстаивание интересов России и соотечественников, Н.А. Нарочницкая награждена орденом святой велико мученицы Варвары Украинской Православной Церкви Московского Патриархата, орденом «Трудовая слава» Приднестровской Молдавской республики, Национальной премией общественного признания достижений женщин России «Олимпия» в номинации «Международная деятельность» за 2006 год.

В ноябре 1998 года из рук Патриарха Алексия II Наталия Алексеевна получила орден святой равноапостольной княгини Ольги III степени.

А закончить этот краткий очерк об авторе статей, интервью, выступлений, собранных в данном сборнике хочется снова ее, Нарочницкой, словами: «Будущее в нашей стране

– за теми, кто оставит заблуждения прошлого, но не будет глумиться над памятью жизни отцов, совершая грех библейского Хама. Будущее за теми, кто, безусловно, утвердит свободу, ибо это вовсе не либеральная, а глубоко христианская категория. Будущее за теми, кто не побоится во всеуслышание сказать, что русский народ, православный по культуре и по вере, есть основатель и стержень российской государственности».

Наверное, это и есть русский код. Не только Натальи Нарочницкой. Это наш, общий, русский код.

Русский код

Когда же придёт настоящий день?

Век и Тысячелетие Россия переступила, утратив едва ли не все свершения десяти поколений. Под флагом прощания с тоталитаризмом обрушена трехсотлетняя русская история – Ясский и Кючук-Кайнарджийский договоры, Ништатский мир и Полтава. Разрушено национальное и государственное тело русского народа. Исторический и духовный опыт русской жизни, создавший самобытную глубоко христианскую культуру и цивилизацию подвергается невиданному искушению и глумлению со стороны удачливого кузена марксизма – либерализма.

Однако, на удивление всем, Россия наряду с упадком почти во всех сферах, главных для Запада, демонстрирует способность к самостоянию, к возвращению смысла истории и возрождению своей православной картины мира, что дала в свое время русским смысл их исторической жизни. Расчленение государственного тела русского народа не смогло умертвить его душу, ищущую Бога. На повестке дня вдруг встало воссоединение его духовного организма – Русской Церкви.

Казалось бы, величайший шанс не может быть отринут

подлинно русскими и верующими. Начавшийся диалог между Русской Православной Церковью и Русской Православной Церковью За Рубежом заставил весь мир, сочувствующий – с трепетом, а враждебный – со злобой, ждать, окажутся русские достойными этой милости, сколько окажется среди них званых, и сколько – призванных. Но по мере приближения решающей фазы растет сопротивление и наступление Запада, обрушившего невиданное даже во времена «холодной войны» давление как на Россию, обвиняемую во всех грехах, так и на русское православное зарубежье. В среде Зарубежной Церкви усилились голоса тех, кто не готов выйти из благоустроенной несопричастности к исканиям сегодняшней искаленной, но живой некоммунистической России. В преддверии намечающегося Поместного собора РПЦЗ усилились обвинения Московской Патриархии и Российского государства и общества, якобы еще недостойных того, чтобы «чистое и непорочное» зарубежье признало их. Что же, Бог ему судья, но апокалиптический фон, на котором развивается очередная драма России, побуждает к ответственности.

Новый передел мира, начавшийся с разрушением исторического государства Российского под видом краха коммунизма, осуществляется, как и «во времена тиранов», прямой военной силой, однако под флером псевдогуманистического либерального универсализма. Центральная новая идеология – «права человека» и земная жизнь как высшая цен-

ность – этот либеральный новый «коммунистический манифест» апостасии XXI века, становится логическим завершением идеи автономности человека от Бога, итогом антихристианского Просвещения, который к рубежу Третьего Тысячелетия ведет через безверие к полной дегуманизации человека и подрыву не только двухтысячелетней христианской культуры, но и самого человеческого общежития, ибо человек только там, где дух выше плоти.

Гражданин мира, «свободный» от религиозных, национальных, семейных связей, живет «хлебом единым» в гедонистическом рабстве плоти и гордыни, исповедуя: «ubi bene ibi patria» – «где хорошо, там и отечество». Философия либерализма уже полностью извращается в ценностный нигилизм – нетерпимый и тоталитарный. Нация – уже не преемственно живущий организм, связанный духом и общим пониманием добра и зла и историческими переживаниями. Это охлос – толпа, пребывающая в гедонистической теплохладности и иллюзии народоправства, на деле – управляемая телевизионными технологиями. Это и есть судьба самонадеянного демоса и его мнимой кратии в «едином» мире, глашатаи которого, разбрасывая камни истории и сдавливая в объятиях, сопровождают свое участие демоническим искусительством: «Видишь царство сие, пади и поклонись мне и все будет твое».

Цивилизация «открытого общества» в своей всепоглощающей страсти к эгалитаризму бросает вызов не только пра-

вославной Руси, но и всем великим духовным и национальным традициям человечества, чтобы обеспечить свое псевдобытие – историю без нравственного целеполагания. Новый этический и исторический нигилизм – это философия конца истории.

На этом фоне не пора ли признать, что упадок христианского мира случился не только по вине российского большевизма и «советчины»? И разве не настало время всем в полной мере осознать значимость восстановления русского православного форпоста для всего христианского мира в целом перед лицом не только геополитических и демографических, но и духовных вызовов грядущего столетия?

В вотчину Запада добровольно переходит Киевская Русь – колыбель русского Православия и символ византийской преемственности. Печальным знаменем времени становится партнерство православной Грузии с атлантической Портой, а вход британских кораблей в Севастополь символизирует возвращение из прошлого века Восточного вопроса. Вместе с Россией рушится и поствизантийское пространство. Отпадают сухие ветви от общеславянского и православного древа после недолгого сербского сопротивления. Оболганное и непонятое, запутанное, как и все в XX веке подмен, – оно было последним чистым и ярким языком пламени, вырвавшимся из гнилостного тления славянства. Любого сопротивляющегося духовному и политическому давлению немедленно объявляют тоталитарным диктатором. Это окончательно

убеждает, что обрушенный на нас в начале XX века коммунизм был одним из инструментов общего замысла уходящего столетия.

Хотя в 1917 году православие в России попытались распять и заковать в цепи, оковы рухнули, и оскудевший, но живой его дух высвободился и Россия снова на распутье. В судьбе России сегодня решается не только ее будущее, но и пути мировой истории.

Хочется верить, что для наших зарубежных русских Россия – это Отечество, которое не тождественно государству. Отечество – это Дар Божий, врученный для непрерывного национально-исторического делания с его взлетами и неизбежными падениями, которые не отчуждают даже разочарованного человека от собственной страны. Такой человек, даже переживая ее грехи и падения, не отринет свою историю. Ибо легко любить свое Отечество, когда можно им гордиться, когда оно сильно, и все его уважают и боятся. Но именно когда мать пьяна и лежит во грехе, оплеванная, осмеянная и покинутая всеми – только тот сын, что не отвернется, проходя мимо, а закроет собой ее грех и оградит от поругания.

Вспомним великих первых христиан, среди которых тщетно искать тех, кто бы призывал анафему даже на то государство, что распинало их и бросало в клетки ко львам. Они не призывали ни к дезертирству, ни к поражению своего государства. Доблестные воины-христиане – Святой Георгий Победоносец, Андрей Стратилат, Прокопий, Феодор Стра-

тилат, не сомневаясь, служили верно своим мечом римскому государству и императору и столь же принципиально отказывались обнажить меч в свою собственную защиту. «Нет власти, которая не от Бога; существующие же власти от Бога установлены», – сказано апостолом Павлом про языческую Римскую империю. Этикой первохристиан было служение и повиновение «не только за страх, но и за совесть» (Рим. 13,5).

Ведь и гонитель Савл стал Павлом! Или наши заграничные пастыри подобно модернистам не верят в чудо перевоплощения? «Однако невероятное... для модернистов есть совершенный исторический факт, – пишет А.В. Карташев, – Римская империя, бывшая языческой, “во Христа крестилась, во Христа облеклась”. Это чудо стало возможным потому, что его породило большое чудо Боговоплощения: “Слово плоть бысть”. Как отдельному грешнику во Христе, – пишет Карташев, – открыт путь к святости, так и грешному человеческому общежитию, то есть государству – во Христе открыт путь к совершенствованию. Государство, построенное на грехе богозабвения и насилия, может и, следовательно, должно стать сообществом сынов Божьих, уподобиться благодатному Союзу Церкви». Эти вдохновенные слова русского эмигранта, утратившего свое государство и Отечество и страстно переживающего эту тему, пока для нас недостижимо высокое духовное задание.

Почти без сопротивления сдалась и уходит христианская

Европа... Кто же сопротивляется, кто бунтует? Бунтует парадоксально одна лишь постсоветская Россия! Этот бунт, пока интуитивный, не всегда последовательный и часто сформулированный в привычных клише XX века, порой неуклюжий, «прогрессивное человечество и цивилизованная Европа» уже клеймят как варварство и наследие тоталитаризма!

Но бунтует пока даже не Россия, а Русь. Она не боится быть не «политкорректной» и протестовать против поругания икон, она не видит в этом «свободы».

Она не страшится насмешек и окриков «4-го либертарного Интернационала – Совета Европы» и не хочет видеть парады содомитов. Это она – нищая и соблазняемая земным раем, подвергнутая двойной стерилизации – марксизмом и либерализмом, вдруг отвечает на вопрос, «какое преступление нельзя оправдать ни при каких обстоятельствах», – «измену Родине!» (социологические опросы 2000 г.). Социологи в недоумении: ведь в цивилизованной Европе родина давно уже там, «где ниже налоги»...

Россия в упадке, но Русь жива! Это о ней говорил основатель Зарубежной Церкви Антоний (Храповицкий): «Очень было бы грустно лишиться русского государства, но Русь была, росла и сияла даже тогда, когда не было государства, как последние 450 лет рос и развивался гений греческий, как умножалась его вера, его патриотизм, его энергия под властью турок... Русское православие..., искусство, речь, сердце, открытость, самоотверженность и широта духа не угас-

нут под игом ни японцев, ни американцев, ни англичан, ни французов. Можно надолго уничтожить Россию, нельзя уничтожить Русь. И если бы приходилось выбирать одно из двух, то лучше пусть погибнет Россия, но будет сохранена Русь, погибнет Петроград, но не погибнет обитель преподобного Сергия, погибнет русская столица, но не погибнет русская деревня, погибнут русские университеты и заменятся английскими или японскими, но не погибнет из памяти народной Пушкин, Достоевский, Васнецов и Серафим Саровский».

Прав был Митрополит Антоний: «Святая Русь будет всегда». Антоний Храповицкий и его выстраданное чутье не обманулись бы сегодня, когда бывшие комсомольцы, вообще не знавшие о Христе, подобно некогда оглашенным римлянам текли и текли к Саровской обители Святого Серафима, шли десятками тысяч пешком по трое судок, ночуя в палатках. Не стоит удивляться либералу, что еще при Пушкине «просвещением свой разум осветил», «нежно чуждые народы возлюбил, и мудро свой возненавидел», который, скрежеща зубами, недоумевал: «Откуда это, и куда они, ведь там не объявлены распродажи, чтобы «покупать и экономить» – «buy and save», как делает «цивилизованная» Америка в Великую Пятницу...

Но что же пастыри Зарубежной Церкви? Прослезились ли они, что «жива Русь», жива и непоколебима Вера, давшая русским смысл их исторической жизни, а значит и возмож-

ность нашего исторического воскресения, как мечтал и верил Антоний Храповицкий?

Ничуть... По епископу Евтихию – это всего лишь вслед за «предателями-сергианцами» пришли «другие миллионы, которым нужно что полегче, не обременяющее их совесть и ответственность».

Грустно читать тех эмигрантов-мирян, которые, закрывшись в башне из слоновой кости, бесконечно воспроизводят и переносят на сегодняшнюю Россию и русских представления об «окаянных днях» и бесах 20-х годов, единственно ведомые им от дедов. Только полное неведение о мучительных путях идеологии и практики 70-летней истории России в облике СССР могло не позволить им заметить, насколько уже послевоенный СССР был не похож на большевистскую Россию 20-х. Он, остававшийся, конечно же, не Россией, был и приговорен Западом за то, что перестал быть в нужной тому мере анти-Россией после очищающей жертвенной борьбы с Гитлером. Надо ничего не понимать в истории XX века с его соперничеством «бесов социальности» и «демонов индивидуализма», чтобы не почувствовать, что на самом деле стояло за разрушением СССР.

Надо намеренно изолировать себя от реальности и не хотеть ничего в ней менять, чтобы не видеть, как непохожи сегодняшние русские, Россия и ее многострадальная Церковь на то представление о них, что составлено из клише 70-летней давности! Надо не желать выйти из удобной несопри-

частности к реальной борьбе добра и зла, чтобы отвергать посланный самим Господом исторический шанс! Вот поистине, кто похож на тех, «кому нужно, что полегче, не обременяющее их ответственность», кто предпочитает комфортабельно продолжать менторствовать и отвергает новое призвание!

А попытки объявить весь клир и паству России «полковниками» и лицемерами?! Как без стыда читать домыслы, будто во время войны и блокады «сергианский клир» наслаждался роскошью и яствами номенклатурных условий! Стыдно и грустно, и потому, что это неправда, оскорбляющая память тысяч священников, голодавших, бедствовавших, а также повешенных и сожженных оккупантами вместе со своей паствой. Стыдно и потому, что уровень аргументации убог, ибо, если и случаются недостойные в служении или недостойные матери, так это не дает нам права и основания оскорблять недоверием само служение или само материнство.

Пока русские стоят друг против друга и в течение ста лет кричат: «Распни, покайся!», – весь остальной мир будет все также пожинать плоды нашего национального упадка, маловерия и гордыни, нашей разобщенности и сектантства, нашей неспособности найти согласие ни по одному вопросу нашего прошлого, настоящего и будущего!

Отвергнуть с гордыней и превосходством протянутую вам сегодня руку, отринуть надежды русских людей, которые с

замиранием сердца и с нерассуждающей детской радостью ждут воссоединения семьи, – это будет ударом по Руси, ударом тем более тяжелым, что не от врага, а от брата. Это нанесет непоправимую обиду самым искренним чувствам миллионов людей, которые с восхищением относились к подвигу Зарубежной Церкви, но даже не подозревали, с каким презрением, оказывается, к ним самим относятся их же русские братья за рубежом. Не обесценит ли это совершенный некогда подвиг русской эмиграции, сохранившей свою русскость и веру на чужбине, сохранившей в своем сердце «ту Россию, которую мы потеряли» и пронесшей ее в своей любви и вере как в песенке Сольвейг? Так не потеряйте же теперь Россию выжившую, выстрадавшую, ищущую, и непокорную глобальному управлению!

Неужели русские за рубежом, давно уже комфортабельно живущие в замкнутом круге единомышленников и в иллюзии, что они и есть Россия, будут придирчиво проверять живую реальную Россию на русскость? Каково же будет разочарование русских людей, которых уже заставляют сдавать унижительный экзамен на цивилизованность новоявленные троцкисты-либералы из европейских институций, изгоняющие под раскаты отдающегося эхом вольтерьянского хохота последние следы христианских ценностей!

Русские люди в России никогда не поймут тех, кто закрывается сегодня в скорлупе собственной непогрешимости, превращая свой прежний подвиг в горделивую медаль, и не

хотят видеть живой России и Руси за пределами своей самости. Да, в своей новообретенной вере и любви постсоветские русские куда менее образованы и даже, наверное, «невежественны» с точки зрения православных профессоров Сорбонны, с которыми, привычнее иметь дело Зарубежной Православной Церкви. С ними, наверное, легче как с паствой, чем с не по своей вине утратившими опыт христианской жизни, но ищущими его истоки. «Потребуется перевоспитание целого поколения для достижения подлинной политической, экономической и духовной свободы русского народа», пишет о нас протопресвитер Валерий Лукьянов, сомневающийся в способности РПЦ вести нас по этому пути: «Свободна ли Московская Патриархия от контроля своих действий политической конъюнктурой? Очевидно, нет».

К лицу ли эта брезгливость и назидательность? Разве невозможно и Зарубежной Церкви предъявить счет грехов и падений, нестроений и катастрофической политической слепоты! Мы же готовы не упрекать вас в сотрудничестве с Гитлером и его языческой доктриной природной неравномерности людей и наций – с тем, кто собирался сократить население России до 40 млн. человек и превратить русских из нации в безликий материал, в свинопасов и горничных, едва умеющих читать на немецком языке географические указатели. Или вам неизвестны документы об этих планах? А если мы не доросли до вас, так не миссия ли как раз быть «среди больных, но не здоровых»? Да и так ли уж они больны, эти

«советские русские», если после всего, что им внушали в течение жизни трех поколений, не боятся заявить миру о своем несогласии с утратой нравственного целеполагания человеческой жизни и истории, и отвергнуть ту свободу, которая не свобода совести, а свобода от совести?

И разве это не лучше всего говорит о Русской Православной Церкви, которая выполнила, значит, свою главную миссию, перед которой меркнут все реальные и мнимые грехи: Церковь, прошедшая со своим народом все исторические драмы и искушения, поистине «живя там, где престол сатаны», значит, содержала имя Божье, и не отреклась от веры Его, раз сумела в невиданных условиях сохранить в своих чадах и веру, и потребность в вере, способность различать грех и добродетель, добро и зло, в какие бы модные и соблазнительные после тоталитаризма одежды те ни рядились.

Нынешние сомнения подобны искушениям человека, захотевшего принять крещение, которому враг человеческий нашептывает: «Подожди, ты не готов, не сегодня, – завтра»! Но завтра может не быть! Когда все силы мира объединились, чтобы воспрепятствовать восстановлению Россией своей национально-религиозной ипостаси, своего права на продолжение в мировой истории со своими целями и ценностями бытия, когда новые Парvusы оплачивают старые сценарии разрушения России, а прежние державы маскируют фарисейски свои преемственные интересы высшими цивилизаторскими целями, русские люди не смогут понять, в чем

же доблесть и «истинность» той Церкви, что не способна отринуть второстепенное и вместо объятий предъявляет счет и просит погасить вексель. Что же это за вера, что не содержит всепрощающей любви, что же это за православные, что ищут сучок в глазу ближнего, что же это за любовь к России, похожая больше на любование собой вместо России.

А может быть, наши братья за рубежом просто боятся пойти против «mainstream» и «глобального управления» и не решаются рискнуть своим защищенным (потому что ни на что не влияющим) существованием в том антиправославном мире? Ведь и на них может распространиться частичка того давления, что сегодня многократно превышает давление на коммунистический СССР, если они поддержат Россию и русских, все еще сопротивляющихся ему? В таком случае, напрашивается вопрос, «свободна ли РПЦЗ от контроля своих действий политической конъюнктурой»? И многие русские люди склонны будут с грустью и разочарованием подумать: «Очевидно, нет». И с ними будут и тысячи русских за рубежом, что страстно переживают за Россию и за единство.

Не оправдав их чаяний, РПЦЗ обрекает себя на роль этнографического музея ушедшей цивилизации, на существование в резервации вне темы России и русских в мировой истории. Россия же будет и сама выстаивать, ибо на удивление всему миру она уже опять вступила на путь поиска нравственного целеполагания жизни и истории. В ней, единственной стране христианского мира, открыто идет дискус-

сия, давно невозможная на Западе.

Посткоммунистическая Россия, зависимая экономически, потерявшая выходы к морю, обнищавшая, опутанная долгами, три четверти века оторванная и от Христа, и от собственной истории и культуры, действительно погрязла в грехах, но сохранила Веру и Церковь. И именно она осмеливается возражать Западу не только в его задаче века – уничтожении российского великодержавия и русской исторической личности во всех их геополитических и духовных определениях, но и в попытках соблазнить ее новым земным раем. Ее сопротивление объявлено «тоталитаризмом и русским фашизмом», но только слепец не увидит за этим клише извечные западные фобии в отношении Православия и России, рядившиеся в разные одежды, но единые для папского Рима и безбожника Вольтера, для де Кюстина и К. Маркса, для Ленина с Троцким, и для кумира постсоветских либералов А. Сахарова – «царизм», «русский империализм», филофейство, византийская схизма, варварство варягов и любовь к рабству.

«Господи, помоги мне не ошибиться!» – взывает епископ РПЦЗ Евтихий.

Поистине так, помоги, Господи!

Помоги узреть то, что дается вооруженному любовью, помоги осознать: «Нас разделяют символы прошлого, но должны объединить задачи будущего»!

Pravoslavie.ru

28 апреля 2006 г.

Россия в новых геополитических реальностях

Конкретные задачи противостояния непосредственным угрозам безопасности и независимости России, сформулированные Владимиром Путиным, необходимо осмыслить в широкой исторической перспективе и геополитической ретроспективе. Перед нами уже в течение двух десятилетий развивается настоящий масштабный передел мира. Эта новая реальность имеет ряд характеристик, встречавшихся по отдельности, но никогда ранее не совпадавших.

Геополитический рисунок напоминает устремления прошлых веков, многократно усиленные задачей поставить под контроль мировые ресурсы и стратегические подступы к ним.

Вокруг Средиземного моря уже тысячи лет назад велись войны за кольцеобразный контроль, то есть обнимающий оба побережья. Еще во времена древнего Рима это давало господство над тогдашним миром. Северное побережье Африки, Аравийский полуостров, Ирак и Иран, Персидский залив, Иран, российское Предкавказье именуется в аналитике глобальных ресурсов мировым углеводородным эллипсом. В нем залегают самые масштабные и легко извлекаемые запасы нефти планеты, обеспеченные водными путями транспортировки.

Открытие запасов нефти на рубеже XX-XXI веков многократно повысили военно-стратегическое значение морских подступов к ним с севера и юга и территорий вокруг этих путей. Что же это за территории? Это и Балканы, и Украина, Молдова, Румыния, это и Азербайджан и Грузия, Израиль и Турция – именно те государства, которые Запад стремится включить в НАТО и которые участвуют в последних крупных проектах транспортировки нефти. И именно во многих из них в последнее десятилетие либо прошли цветные революции, приведшие к власти прозападные режимы, либо осуществлено военное вторжение (Ирак, Афганистан, Ливия). Примыкает к этому региону Центральная Азия – южное подбрюшье России, которая также окружена «демократическими ухаживаниями» Запада.

В таком процессе может произойти оттеснение России на Северо-восток Евразии от главного центра коммуникаций энергоресурсов – Средиземноморья и Черноморско-каспийского региона. И это особенно критично на фоне втягивания в атлантическую орбиту территорий от Балтики до Черного моря, поощрения пожара на Кавказе, вовлечения в американскую орбиту Грузии и попыток вытеснения России с Черного моря.

Характеристикой нынешнего передела мира является и целенаправленный подрыв классического международного права и его главной основы – суверенитета. Это ставит вопрос о будущих инструментах регулирования международ-

ных проблем, ибо фактор военной силы вопреки псевдогуманистической риторике колоссально возрос, а границы стали куда более зыбкими, чем в демонизированную эру «конфронтации». Россия все более решительно и четко выступает за строгое выполнение норм и принципов международного права и неукоснительное следование Уставу ООН. Задачей будущего периода становится мобилизация потенциальных соратников в нелегком деле возвращения к правопорядку.

Отличительной особенностью нашего времени стало и невиданное со времен религиозных войн идеологическое обоснование применения силы и диктата, манихейское деление мира на воплощенное добро и зло. Попытка выстроить «Новый порядок на века» – «NOVUS ORDO SECLORUM» (девиз на государственной печати США) – имеет одновременно все черты оправдания экспансии сенатором Бевериджем, грубого империализма Теодора Рузвельта и мессианизма Вудро Вильсона: «Мы управляем вами, так как это в ваших же интересах, а те, кто отказывается это понимать, представляют собой зло», – поскольку «США превосходят все остальные политические порядки, а новый американский империализм служит высшей моральной цели».

Однако нелишне (в очередной раз!) напомнить, что Устав ООН в Главе I «Цели и принципы» не отдает предпочтения ни одной политической модели и вообще не упомина-

ет «демократию». В ней утверждается суверенное равенство всех многообразных субъектов международных отношений, то есть республики и монархии, общества религиозного, и общества секулярно-либерального (западного типа). С точки зрения классического международного права и Устава ООН они абсолютно равноценны и между ними нет отношений высшего к низшему, прогрессивного к отсталому.

Именно под идеологическим флагом «вхождения в цивилизованное сообщество» Россия стремительно утратила свою роль равновеликой совокупному Западу геополитической силы – препятствия для управления миром. Российское великодержавие в конце XX века было объявлено угрозой и Европе, и идеалам прогресса – суверенитету, самоопределению, равноправию, демократии. СССР устранился, Россия на время утратила традиционные внешнеполитические ориентиры, и в тот же миг именно эти идеалы были попораны.

Пока постсоветская элита бредила инфантильным «новым мышлением», Запад спешно действовал испытанным «старым», последовательно интегрируя в свою военную орбиту ареал многовекового влияния России, а теперь уже и продвигая свою военную инфраструктуру к ее новым границам. В отсутствие сдержек и противовесов создан мощнейший механизм финансового, политического, военного и невиданного информационного давления на мир в целом и на каждого члена мирового сообщества в отдельности.

Хотя век и тысячелетие Россия и русские переступили,

утратив свершения многих поколений и сдав отеческие гробы не только советской, но трехсотлетней русской истории, восстановление Россией инстинкта самосохранения, сопротивление вытеснению на обочину мировой истории было неизбежным. Гуманитарные интервенции, поощрение самопровозглашенными менторами демократии серии «оранжевых» революций, именовавшихся бы в самом западном мире еще четверть века назад государственными переворотами, военное вмешательство в политические процессы других стран ради свержения неугодных режимов – все это привело к банкротству как самого западного либерализма в сознании российского общества, так и его идеологических адептов.

«Мюнхенская риторика» президента В. Путина стала демонстрацией национально-государственной воли, восстановила честь и достоинство России на международной арене. В Мюнхене США утратили узурпированное право выступать от имени мифического мирового «цивилизованного сообщества». Это приблизило к неизбежному фиаско проект однополярного мира. Россия осознала в полной мере, что суходоходные реки, выходы к морю, незамерзающие порты одинаково важны как для монархии XVIII века, коммунистического государства, так и для демократий XXI века.

На смену нигилистически прозападным настроениям постперестройки, в российском обществе сформировался консенсус в том, что самобытность России – это фундамен-

тальная ее особенность и ценность, а исторически жизнеспособная национальная государственность в эру глобализации не может быть основана на заимствованных схемах.

Заметим, что естественная глобализация, порожденная свободным движением культур, технологий, людей, капиталов и ресурсов, совсем не тождественна «идеологии глобализма», ставшей флагом мирового либерального сверхобщества под американской эгидой. Информационные технологии – это мощное орудие «мягкой силы» позволяют осуществлять экспорт стереотипов сознания – идеологическое программирование. Манипуляция общественным сознанием через электронные СМИ и Интернет – необходимое условие «глобального управления». Во всех странах обывателю внушается мнимый идеал «гражданина мира», несопричастного к делам Отечества, а элите, в случае ее покорности, – иллюзия сопричастности к мировой олигархии.

Но глобализация уже вовсе не означает универсализацию прогресса, как это было в эпоху модерна, а наоборот чаще обрекает подражателей на консервацию и даже прогрессирующее отставание. Нельзя выиграть на чужом поле, играя по чужим правилам.

Эксперименты XX века очевидно продемонстрировали: для России одинаково губительны как самоизоляция, так и насильственное обезличение. Модель «догоняющей» модернизации и породившая ее теория единого пути развития, которым привержены до сих пор российские эпигоны, давно

отвергнуты в новых концепциях мировой науки. Простое подражание Западу не приносит модернизацию.

К тому же глобализация положила начало неотвратимой социальной трансформации самого Запада, что особенно видно на примере Европы, и Запад уже не может оставаться универсальным образцом. Развитие Китая, Индии опровергает тезис о непрременной тотальной вестернизации как условии модернизации. Сегодня надо искать собственную незаменимую нишу, быть лучшим хотя бы в чем-то, или уникальным, – пишет философ и социолог В. Федотова, суммируя последние выводы. Главный из них – специфические нужды основной геополитической единицы современности – национального государства – диктуют подъем национальных моделей развития, и Запад неизбежно становится лишь одной из них.

* * *

Опыт последних драматических десятилетий говорит: чем сильнее и самостоятельнее Россия, тем важнее она для Запада, тем больше с ней считаются, ибо такая Россия – системообразующий элемент международной структуры. Но без национальной воли никакая материальная сила, даже наличие ядерного оружия не работает – мы это видели в начале 90-х. После Мюнхенской речи и решительного признания Россией независимости Южной Осетии и Абхазии, Запад не

может уже ни игнорировать, ни изолировать Россию, смело очертившую круг своих национальных интересов.

Особенно это заметно на примере сложного взаимодействия России и Европы – дилеммы, которую не обошли вниманием крупнейшие русские умы прошлого. Специфика нашего времени в том, что стратегические потери России во все не перешли к ее прежним континентальным соперникам или соседям. Разразившийся системный кризис либеральной экономики особенно наглядно обнажил факт, что возвращение Прибалтики, Венгрии, Чехии, Польши, балканских государств в западный ареал, в конечном итоге, не сделали Европу сильнее перед вызовами грядущего века, а хваленый финансово-экономический каркас Евросоюза едва выдерживает дополнительное бремя.

Кое-кто в Европе уже признает, что поспешное включение восточноевропейских стран в евро-атлантические структуры нужно было для превращения «растущей Европы» в «реальный трамплин США для продвижения в Евразию», как откровенно изрек Зб. Бжезинский. Одно из следствий – даже некоторое падение ее роли в мире. А размещение американских средств ПРО в Восточной Европе и вовсе обесмыслит и девальвирует даже ядерный статус Франции. Так что напрасно «старушка Европа» радовалась утрате Россией обретений Петра Великого, не дававших ей покоя два века. Европе еще предстоит осознать, что с перемещением динамики развития в Азию, роли Европы в мировой политике

угрожать может не российское великодержавие, а, наоборот, только его ослабление.

Только новое культурно-историческое и экономическое сотрудничество России и Европы может дать обоим необходимый в новом веке исторический импульс. Подлинное единство – не в новых разделительных линиях. Подъем и историческую энергию может принести Европе соединение наследия, творчества и возможностей всех ее составляющих: германской, романской и славянской, Европы латинской и Европы православной.

Россия может и должна стать фактором международной и междивизиационной стабильности и равновесия, только обеспечив стабильность и безопасность своих исторически-преемственных стратегических интересов и рубежей. Будущее России – это будущее Европы.

* * *

Хотя суждение известного французского ученого Эмманюэля Тодда о «вступлении глобальной американской державы в фазу заката своего военного, экономического и идеологического могущества¹, пожалуй, преждевременно, большинство экспертов, в том числе ведущих российских американистов, уже согласны в том, что имперский ресурс США

¹ Emmanuel TODD. *Après l'empire. Essai sur la décomposition du système américain*. P. Gallimard, 2002.

небезграничен, а сама Америка уже в недалеком будущем останется, хотя и самым мощным, но уже всего лишь одним из центров. США проглядели взлет китайского дракона, перспективы роста которого уже сделали Китай потенциальным соперником № 1.

Перед нами новая геополитическая реальность, в которой должны осмыслить свое место и Россия, и Европа, и сама Америка. Однополярный мир не состоялся, а глобальная структура, которую пытается выстраивать Вашингтон, не обретает характер устойчивой и самовоспроизводящейся системы. Ее поддержание требует ежегодно истерически театрализовывать провоцируемые конфликты для военной оккупации очередного региона и институционализации перманентного состояния войны.

В новых и быстро меняющихся конфигурациях еще не завершенной системы международных отношений Россия должна самостоятельно определить свое место между Европой, Америкой и Китаем.

Перед Россией задача – стать во втором решающем десятилетии XXI века серьезным фактором равновесия этих центров силы, стать одной из необходимых и востребованных опор нового мирового геополитического устройства. Россия нужна и Европе, и Америке, и должна разумно использовать это. Но для сильной европейской роли необходима сильная азиатская политика.

Россия, наконец, восстанавливает свою многостороннюю

историческую стратегию, как и подобает великой евроазиатской державе, политику, соответствующую ее естественной геополитической миссии, – быть держателем равновесия между цивилизациями, между Западом и Востоком. Россия выстояла, что обанкротило картографические пасьянсы Бжезинского, чья «великая шахматная партия» была сконструирована на дележе российского наследства на просторах Евразии.

Идея Евразийского пространства, предложенная В. Путиным, не имеет ничего общего с восстановлением СССР, в чем его не преминули обвинить извечные оппоненты внутри и за рубежом. Нельзя дважды войти в одну реку, и мир стал совершенно иным. Востребованность этой роли России сегодня определяет не только ее стратегическое положение на континенте с выходом к трем океанам, которое не потеряло значение.

Наша самостоятельность и независимость – это не только средство противостоять давлению, но и право на историческую инициативу. Да, Америка построила свой рай на земле, впечатляющий своим богатством. Устроившись на вавилонской башне из зеленой бумаги, она взимает имперскую дань. Россия же обладает тем, чего нет ни у США, ни у Европы. Это не только ресурсы.

Это бесценный и уникальный опыт многообразия, делающий Россию моделью мира с его великими перепадами в культуре, картине мира, потенциалах. Она знает конструк-

тивное взаимодействие на своей территории и в своем историческом проекте всех цивилизаций – «от потрясенного Кремля до стен недвижимого Китая». Ей ведомо все: и безумное богатство и средневековая бедность, жизнь в пустыне и в вечной мерзлоте, высоты культуры, технологии, научной мысли и архаика. Ей внятно все – проблемы и хижин, и дворцов. Она одновременно живет в трех веках – в прошлом, настоящем и будущем. У нее опыт уникального сотворчества с исламом. И этот опыт и единство во множестве дают ей способность понимать и принимать других, уважая их инаковость, что не дано американцам с их кальвинистской уверенностью в «божественном предназначении» «управлять дикарями и народами зла» (сенатор Беверидж). На фоне высокомерного менторства и грубой экспансии, Русский проект Евразийского пространства – это идея иного, справедливого мира – мира гармонии многообразия. На огромном пространстве свободного обмена достижениями каждый сможет молиться своим богам, но принадлежность к большому проекту может стать источником энергии к модернизации и развитию без порабощения и утраты самобытности.

Полицентричность уже обрела реальность с превращением Китая в великую державу XXI века и неизбежной консолидацией бурно растущего исламского мира, как бы ни пытались ее на время затормозить вмешательством в дела Ливии, Египта, Сирии. В возникающем соперничестве Россия не должна позволить быть используемой против кого-нибудь

любым партнером во взаимодействии или противостоянии между Америкой и исламом, между Китаем и Америкой.

Горчаковское «Россия сосредоточивается» – как нельзя лучший девиз, выбранный нами для будущего этапа нашего взаимодействия с миром. Обретенная трезвость в мировой политике не допускает постановку вопроса: либо конфронтация, либо вечная дружба. Мы научились, и знаем, что в формуле «стратегического партнерства» всегда присутствует никогда не прекращающееся стратегическое соперничество.

Имея стратегические цели, отнюдь не совпадающие в главном с США, Россия, заинтересована в поддержании на высоком уровне рабочих отношений с Вашингтоном. А США сегодня, возможно, впервые после упадка России в 90-х, тоже становятся заинтересованными в России, потому что именно самостоятельная Россия с сильной государственной волей и сильным лидером есть фактор мирового равновесия. Чем сильнее мы будем, тем сильнее будет эта общая заинтересованность. Патриарх американской внешней политики Дж. Кеннан в свое время метко определил диалектику взаимоотношений США и России/СССР: они должны быть «в разумной степени хорошими, в разумной степени отдаленными». Сегодня эта мудрая формула означает отношения, связанные интересами, но свободные от идеологических объятий, едва не удушивших нас в годы нигилизма. Поистине жизнь подтверждает Экклезиаста: «Время разбрасы-

вать камни и время обниматься, время *собирать* камни и время *уклоняться от объятий*».

Для России быть великой державой – это не блестящая мишура на национальном платье, которую можно снимать и одевать по праздникам. Это единственное условие нашего самостояния в мировой истории.

Российская газета

29.02.2012

Россия должна сосредоточиться

Вот уже двадцать лет Россия напряженно ищет свое место в стремительно меняющемся мире. Эти поиски начались с романтических надежд на скорое вхождение в «общеевропейский дом» и присоединение к западной цивилизации. Однако мечты разбились при соприкосновении с суровой геополитической реальностью, после чего пришло осознание, что Россия сможет успешно развиваться лишь как самостоятельный и независимый игрок. Между тем мир в XXI веке обещает быть не самой комфортной средой обитания. Эрозия международного права, стремление США к глобальному диктату, попытки привести все страны к единому «демократическому стандарту», рост числа локальных конфликтов, серия революций на Ближнем Востоке – вот та реальность, к которой придется приспособливаться нашей стране. О внешних вызовах, стоящих перед Россией, размышляет известный историк и политолог директор Фонда исторической перспективы и руководитель парижского Института демократии и сотрудничества Наталья НАРОЧНИЦКАЯ.

«Нам внушили, что мы – неудачники мировой истории»

Главная наша угроза находится не вовне, а внутри страны – это катастрофическая ситуация в демографии. Существует определенная взаимосвязь между величиной территории и состоянием державообразующего этноса, коим в случае с Россией является русский народ. А его численность, к сожалению, продолжает сокращаться.

Я не стесняюсь говорить о том, что именно русские являются государствообразующим этносом, поскольку это не направлено против других народов. Многонациональность России – ее изначальная сущность. Как писал Василий Осипович Ключевский, еще до крещения Руси в дружине киевского князя был целый интернационал, что отличало русское государство от Европы, которая шла по пути создания мононациональных и моноконфессиональных обществ. Россия же на протяжении столетий накапливала уникальный опыт сожительства и соработничества народов – каждый из них мог молиться своим богам, что не исключало принадлежность к целому. Однако когда державообразующий этнос находится в упадке, это негативно сказывается на положении представителей других национальностей.

Почему же русские сегодня пребывают в кризисе? Причин много. Нельзя забывать, что русским на протяжении всего XX века сначала большевики, а потом либералы-экстремисты внушали мысль, будто они – неудачники мировой истории, что их культура и традиции противоречат общечеловеческим ценностям, а патриотизм является «прибежищем

негодяев». Борьба с мифическим «великодержавным русским шовинизмом» с 1917 года шла практически непрерывно. Любые проявления национального чувства моментально трактовались у нас как ксенофобия, хотя любовь к своему совсем не означает ненависть к чужому. Стоит ли удивляться, что мы получаем такие уродливые явления, как движение скинхедов? И все почему? Когда национальному чувству не позволяют развиваться в освещении высших ценностей, оно деградирует до уровня животного инстинкта. Так что рост популярности праворадикальных движений свидетельствует не о переизбытке любви к Отечеству, а о недостатке патриотизма...

По своему потенциалу Россия имеет все основания быть великой державой. У нас есть возможности для устойчивого развития — полный комплекс природных ресурсов, квалифицированная рабочая сила и достаточная военная мощь, чтобы эти ресурсы защищать.

Таким уникальным положением могут похвастаться, пожалуй, только США. Даже стремительно развивающийся Китай обладает гораздо меньшим потенциалом, ведь постоянная забота о прокормлении миллиардного населения — очень и очень трудная задача.

Тем не менее, при всем нашем уникальном положении в последние двадцать лет вокруг России непрерывно сжималось геополитическое кольцо. Всколыхнулись целые цивилизации — исламская, пантеистическая цивилизация Во-

стока и, конечно, Запад. На протяжении девяностых годов шла бескомпромиссная борьба за российское наследство, что вполне закономерно: вакуум силы всегда порождает непреодолимое искушение занять пустующую нишу. И пока мы вели разговоры о новом политическом мышлении, мир продолжал пользоваться хорошо испытанным старым. Когда наши военные корабли перестали бороздить океаны вдали от российских берегов, это не побудило американские корабли вернуться в свои порты. И я не стану упрекать за это американцев! Почему они должны игнорировать законы геополитики, пока мы предавались кабинетным доктринам о превосходстве общемировых ценностей над национальными интересами?

Лишь после серии тяжелейших провалов мы начали осознавать, что ковавшиеся веками законы международных отношений никто не отменял. Тот, кто хорошо знает историю, может легко проследить преемственность многих направлений во внешней политике разных стран. Скажем, когда русские осваивали Сибирь и Северный морской путь, никто против этого не возражал. Но стоило России выйти к Черному морю и Кавказу, как этот регион моментально стал объектом самого пристального внимания со стороны англосаксов. Причем это справедливо как для царских времен, так и для современных международных отношений – только на месте Великобритании сейчас находятся США. Так что России волей-неволей приходится возвращаться к своим внешнеполи-

тическим традициям в отстаивании национальных интересов.

«В уставе ООН термин «демократия» не упоминается»

В XXI веке нам предстоит жить и развиваться в очень противоречивом и беспокойном мире, сталкиваясь с целым рядом острейших вызовов. Главная проблема современной политики – это ползучий кризис классического международного права. На наших глазах терпят крах суверенитет и государство-нация – понятия, которые со времен Вестфальского мира 1648 года были краеугольным камнем международных отношений. Это очень опасная тенденция, которая может привести (и уже приводит!) к печальным последствиям. Кстати, само понятие суверенитета заложено в устав ООН. Да, в этом документе также впервые сформулированы правила поведения государств (в том числе по отношению к собственному народу), соблюдение которых дает им право считаться уважаемыми членами мирового сообщества. Но при каждом таком постулате говорится, что эти правила не отменяют принципа невмешательства во внутренние дела государств.

Когда я цитирую моим западным коллегам первую главу устава ООН «Цели и принципы», они очень удивляются, что термин «демократия» в ней вообще не упоминается. То есть монархия и республика, прогрессивные и отсталые страны, религиозные и светские общества равны перед международ-

ным правом. А государства имеют полное право выбирать такой политический строй, какой наиболее адекватно отвечает их культурным традициям. Откуда тогда взялось понятие «государство-изгой»? Разве кто-то имеет право решать, какой политический режим следует иметь той или иной стране?

Поймите меня правильно: я вовсе не являюсь поклонницей тиранических режимов. Но даже если мне не нравится какой-то руководитель, я не имею права лезть в чужой монастырь со своим «демократическим уставом». Это не мое дело. Демократия – это то, что хочет народ, а не то, что указывают правительства других стран. У нас же «светочами демократии» взята на вооружение какая-то большевистская манера: если народ не разделяет их воззрений, то нужно заменить народ! Неужели мы приходим к попыткам тоталитарного утверждения неких «золотых стандартов»? Похоже, что так...

Обратите внимание на современные конфликты! На вооружение взята фарисейская модель поведения, которая значительно хуже, чем та, что была в языческие времена. Если в X веке князь Святослав перед началом похода предупредил хазар: «Иду на вы», то сейчас иные страны начинают бомбить даже без объявления войны. Ведь тому, кто развязывает «гуманитарную интервенцию» в защиту прав человека, можно все или почти все.

Меняются и причины, по которым развязываются воен-

ные конфликты. Как пишет американский политолог Стэнли Хоффман, «войны с целью повлиять на внешнюю политику того или иного государства были всегда. Но войны с целью повлиять на его внутреннюю политику – явление абсолютно новое».

Пример такого рода конфликта – операция НАТО в Ливии. Это тот самый случай, когда основанием для нарушения суверенитета и бомбардировок служит несоответствие внутренних стандартов страны установленным кем-то правилам. Но ведь это вопиющее беззаконие! Причем эта ситуация особенно опасна тем, что по мере деградации международного права на первый план выходит право сильного, из-за чего растет напряженность и множится число локальных конфликтов. На Западе очень любят сетовать по поводу распространения ядерного оружия, хотя эта действительно опасная тенденция связана с тем, что только наличие ядерной бомбы спасает вас от нападения могущественных держав. Получается, что «защитить свою козу» маленькие страны могут только в том случае, если у них есть атомное оружие.

Я считаю, что миссия Россия – всегда стоять на страже международной законности. Нарушения международного права случались и раньше, но эти нарушения – во многом благодаря нашей позиции – так и классифицировались. В итоге основополагающие принципы продолжали худо-бедно существовать. Однако когда сегодня попрание норм международного права не получает должной оценки – послед-

ствия могут быть страшны как для самой России, так и для всего человечества.

«Глобализацию подменяют глобальным управлением»

Колоссальный вызов, стоящий сегодня перед российской цивилизацией, связан с глобализацией. Споры нет, у этого процесса есть вполне естественные проявления – свободное перемещение рабочей силы, капиталов, товаров, технологий и так далее. Однако глобализацию у нас подменяют глобальным управлением, в котором не заинтересован никто, кроме мировой финансовой олигархии. Для большинства стран мира эта тенденция порождает острейшие проблемы. Она раскалывает целые народы на узкую элитарную прослойку, втянутую в «глобальный мир», и нищие, бесправные массы.

Ползучую эрозию суверенитета я зафиксировала еще в 1970-е годы. Именно тогда начинают издаваться журналы с названиями вроде *Global governance* (англ.: «глобальное управление»), и именно тогда стали заметнее интеллектуалы, призывающие привести мир к некому единому образцу. К примеру, британский политолог Джордж Булл в одной из своих книг предлагал делить человечество на «мировое общество» и «мировое сообщество». К последнему имеют честь принадлежать исключительно западные страны, потому что они объединены общими демократическими механизмами.

Вообще, дискуссии об утверждении некой мировой демо-

кратии всегда меня поражали. Нет, я не являюсь поклонником всего, что происходит в нашей стране, – демократические нормы еще долго будут приживаться на русской почве. Но признавая необходимость перенимать положительный опыт США и Европы, я не стала бы представлять Запад в качестве такого уж «эталона демократии». Там хватает своих проблем. Посмотрите: демократические институты в Америке и Европе уже давно управляются элитами и описываются с точки зрения теории элит! Это мы пока находимся в той стадии, когда для нас главное – выборы не сфальсифицировать. А на Западе управление давно осуществляется так, что можно спокойно обходиться без подтасовок.

Кстати, в Америке до сих пор действует очень архаичная и несовершенная система выборов. Усилиями коллегии выборщиков там нередко побеждает кандидат, который не набрал большинства голосов. А еще в ряде штатов можно прийти на избирательный участок и подписаться Шекспиром или Леонардо да Винчи – и вас без проблем допустят к избирательным урнам. Разве вправе страна с такой несовершенной системой выборов учить весь мир демократии?

Я уже не говорю о поразительной клишированности тезисов речей западных политиков. Мне нравится приводить в качестве примера одну забавную цитату из Кондолизы Райс. Вы только вслушайтесь: «В то время как все страны мира триумфально идут по пути демократии и свободного рынка, некоторые хотят остаться в стороне от этой столбовой до-

роги». Молодежь об этом не знает, а ведь люди нашего поколения выросли на подобных бравурных лозунгах! Только во времена СССР «магистральным направлением» считался «переход от капитализма к социализму».

Судя по новейшим тенденциям, на Западе сейчас в какой-то мере наступает «конец истории», предсказанный американским политологом Фрэнсисом Фукуямой. Для меня самым ценным в его статье является признание, что либеральная идея, лишившись в конце 1980-х годов своего коммунистического оппонента, утратила стимул к самосовершенствованию. Да, на волне критики пороков предыдущей модели она принесла немало позитивного, но стоило ей остаться без противовеса, как она стала сама накапливать грехи и нестроения. Посмотрите, сегодня либеральный Запад все чаще выступает в качестве всемирного ментора, приобретая поистине тоталитарные черты!

Возьмем для примера идею мирового суда, которую в последние годы продвигают западные элиты. Гаагский трибунал превратился в политическое судилище, в котором рассыпаются все процессы! Разве может орган, созданный определенной группой стран, судить гражданина другого государства за действия, которые у него на родине не считаются правонарушениями? Если да, то это означает конец национального права. Давайте на мгновение представим такую ситуацию: исламские страны создают Международный трибунал на основе шариата, добиваются от Вашингтона выдачи Бил-

ла Клинтона и судят его за нарушение супружеской верности. С точки зрения ислама это выглядит логично, не правда ли? Однако при всем моем критическом отношении к США я в этой ситуации встала бы на защиту Соединенных Штатов, потому что они имеют полное право жить по своим законам, но не вправе навязывать их другим.

«В глобальной политике царит фарисейство»

Как мы видим, Запад делает с миром все, что заблагорассудится. Однако с Россией, чье влияние в последние годы существенно возросло, он вынужден считаться, когда дело касается наших непосредственных интересов. Событием, которое окончательно покончило с «горбачевщиной» и «kozyревщиной» в российской внешней политике, я считаю Мюнхенскую речь Владимира Путина. Чем же им так не угодило выступление российского президента? Владимир Путин им прямо в лицо сказал правду: в мире множится число войн, международное право сдано в корзину, Запад берет на себя роль ментора, а в глобальной политике царит тотальное лицемерие и фарисейство.

Следующим важным шагом, который укрепил наши позиции, стало поведение нашего руководства во время пятидневной войны на Кавказе, когда мы пресекли авантюру Саакашвили и спасли от истребления население Южной Осетии. Это событие я считаю важной вехой, ставшей логическим продолжением Мюнхенской речи. Тогда Россия продемонстрировала Западу: вон она – та черта, дальше которой

мы не отступим!

В дни конфликта на Кавказе многие либеральные деятели пугали нас возвращением холодной войны, однако в реальности те события привели к «перезагрузке». Впрочем, по поводу потепления российско-американских отношений обольщаться тоже не стоит, ведь курс Барака Обамы означает всего лишь приостановку определенной риторики. Цели США остаются неизменными, и нас по-прежнему ждет продвижение военной инфраструктуры НАТО к нашим границам. К этому надо быть готовым: да, мы должны договариваться с Западом, но при этом его натиску не грех противопоставлять силу и твердость. Сила же состоит отнюдь не в том, чтобы играть ракетно-ядерными мускулами и размахивать кулаками. Сила – понятие гораздо более тонкое и многогранное. Как говорил Экклезиаст: «Время разбрасывать и время собирать камни; время обнимать и время уклоняться от объятий». Казалось бы, чего проще – взять и уклониться от удушливых объятий, но какую силу воли нужно порой для этого проявить! Вот и России сегодня важно не втягиваться в конфронтацию, а всего лишь найти в себе мужество сказать: «Мы пойдем своим путем».

В свое время огромных дипломатических успехов добился канцлер Александр Горчаков. Он тяжело переживал поражение России в Крымской войне и условия Парижского трактата, по условиям которого наша страна на время переставала быть черноморской державой. Горчаков пообещал

себе добиться пересмотра этого договора и за четырнадцать лет – без единого выстрела! – полностью достиг своей цели. Не в последнюю очередь это стало возможным благодаря его внешнеполитической доктрине, которую он сформулировал всего в одной емкой фразе: «Говорят, что Россия дуется. Россия не дуется, она собирается с силами». Вот и сегодня, как мне представляется, нам стоило бы исполнить завет Горчакова – не размахивать кулаками, а просто взять и сосредоточиться.

Человечество переживает сегодня переломную эпоху, когда оно призвано вернуть идею справедливости в то русло, из которого она когда-то вышла, – то есть в христианское русло. Именно в христианстве впервые прозвучала великая мысль о равенстве людей перед Богом и о том, что и царь, и раб будут судимы на основании одних и тех же критериев. Эта мораль существенно отличалась от языческой этики: «Что дозволено Юпитеру, не дозволено быку». Христианство причащает нас к тому, что именно Юпитер должен позволять себе меньше, чем бык, ибо он особенно должен соответствовать высоким идеалам.

Россия сегодня вправе предложить миру Идею. Но какую? На мой взгляд, в ее основе вполне может лежать представление о мире как о гармонии разнообразия – концепция, которая совсем не противоречит идее единства мира. Мы, русские, тоже ощущаем себя частью вселенского человечества – недаром Достоевский писал о всечеловечности нашей души.

Однако у каждого человека и у каждого народа свой путь, и нам всем пора научиться его ценить и уважать.

Подготовил Михаил Тюркин. 9 июня 2011 г.

Русский код для инвестиций

Наталья Алексеевна Нарочницкая – российский политический деятель, историк и политолог. Доктор исторических наук. Специалист по США, Германии и общим проблемам и тенденциям международных отношений. Внесла весомый вклад в создание и деятельность научных и политических движений (Всемирного Русского Собора, Императорского Православного Палестинского общества, фонда Единства православных народов, фонда «Русский мир»), оказывающих существенное влияние на общественную жизнь. Её монография «Россия и русские в мировой истории» и книги о роли русского народа во Второй мировой войне получили всемирную известность. Н.А. Нарочницкая была депутатом Государственной думы Федерального Собрания Российской Федерации IV созыва; заместителем председателя Комитета Государственной думы по международным делам, главой комиссий по правам человека в нескольких иностранных государствах, заместителем главы делегации Федерального Собрания РФ в ПАСЕ. В 2007 году Нарочницкая стала президентом некоммерческой организации «Фонд изучения исторической перспективы», в 2008 году возглавила Европейский институт демократии и

сотрудничества, в 2009 г. вошла в Комиссию при Президенте Российской Федерации по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России, в 2011 году стала членом Общественного совета при МВД России.

Деятельность Н.А. Нарочницкой отмечена высокими наградами Православной Церкви: орденом святой равноапостольной княгини Ольги III степени РПЦ, орденом святой великомученицы Варвары УПЦ Московского Патриархата.

– Наталья Алексеевна, как вы считаете, насколько и в чём системы жизнестойкости России зависят от состояния народа? – умонастроения, собранности, сплочённости...

– Это интересный, можно сказать, главный вопрос, потому что если есть энергия к развитию, продолжению жизни, то в голове человека будут громоздиться экономические проекты, он будет и семью заводить, и детей рожать, и думать о том, как им жить завтра, – люди будут думать о преемственности и культуре. А если тебе постоянно внушают мысль о самоубийстве, то и жить не захочешь, будешь считать себя выброшенным на обочину жизни, истории, а земля будет брошена. Это мы иногда и наблюдаем в реальной жизни.

– В целом, на общем уровне, это понятно. Но если переходить к конкретике, то можно привести в пример дея-

тельность нашего института. Мы разрабатываем для регионов схемы территориального планирования муниципальных образований, генеральные планы сельских поселений, готовим стратегии инвестиционного развития территорий. Казалось бы, эти документы должны быть стимулами, побуждающими к развитию территорий, организации на них активной деятельности, но когда мы обсуждаем их с населением, создаётся впечатление, что люди, которые на них живут, уже никак не связаны ни с историей, ни с культурой, ни с традициями этой территории. Это какое-то ненастоящее, «замещающее» население, потому что будущее земли, на которой они выросли, их не интересует.

– Как проектировщики мы можем нарисовать много красивых «картинок», фантазии у нас достаточно, но кто будет претворять в жизнь отражённые на них идеи? Иногда кажется, что уровень состояния населения таков, что никому уже не хочется не только вкладывать силы в развитие территорий, а вообще делать хоть что-нибудь ни по старым, традиционным, направлениям, ни по новым, так называемым инновационным направлениям.

Вы совершенно правильно ставите вопрос, потому что, как вдумчивый человек, вы учитываете историко-культурные и философские вопросы осмысления дальнейшего развития территории. Чтобы разрабатывать проекты развития территорий, нужно учитывать, что за население на ней живёт, какое у него территориальное сознание, какие цели и

желания, потому что именно это важно для реализации экономических идей и, в конце концов, для стабильности государства.

Помимо определения финансовых затрат, необходимых для реализации того или иного проекта, надо понимать, какие люди будут воплощать его в жизнь. Если это будут делатели люмпены, приехавшие из разных стран, не имеющие никаких национальных корней, никак не связанные с территорией, на которой собираются работать, то проект обречён – это будет совершенно бесполезное занятие. А если за него возьмутся коренные жители территории, имеющие некие основы самосознания, понимающие, что именно здесь они хотят жить, работать и растить детей – совершенно другое дело. Это как раз и есть культурная экология, которая определяет территориальное самосознание живущих на ней людей, их причастность не только к реалиям сегодняшнего дня, а ко всей национальной истории, культурным традициям, традициям деятельности на конкретной территории. Если люди сохранили национальное самосознание, они сумеют реализовать на своей территории умный проект, обеспечивающий ее развитие.

– А как понять, остались ли у населения той или иной территории хотя бы зачатки национального самосознания? Может быть, есть критерии определения наличия или отсутствия у людей чувства исторической причастности к территории, на которой они живут?

– Вопрос довольно сложный. Нужно вспомнить, что за время перестройки и в течение последних 20 лет состояние общего государственного самосознания русского народа, который пока ещё составляет 80 % населения России, сильно искажалось политиками, стремившимися принизить и отстранить его от общеисторического мирового процесса. Русский народ трактовался как некая негативная сила, оставившая варварский след в мировой истории. А если народ, прошедший от Буга до Дальнего Востока и поливший свой кровью землю каждую пядь этого пути, постоянно вытесняется на обочину истории, если на него вешается клеймо варвара-неудачника, он отвечает тем, что не хочет участвовать в продолжении своей истории.

Опошлено, искажено само понятие «патриотизм». Сейчас говорят, что патриотом может быть только негодяй, потому что за словом «патриот», пытаясь сохранить «позитивный имидж», прячутся последние мерзавцы. Для чего? Для того чтобы их не распознали до конца. Да что говорить, у нашего народа исчез даже библейский инстинкт размножения, об этом свидетельствуют данные последней переписи населения. Налицо демографический спад, женщины практически не рожают, а ведь дети в России рождались даже во время войны. Народ на ментальном уровне не хочет размножаться, у него нет желания продолжать свою историю на своей территории. Недаром особо яростные оппозиционеры говорят о том, что в стране установлен оккупационный режим, ведь

людям в неволе, то есть в оккупации, как животным в клетке, не до мыслей о продолжении рода. Правда, в последнее время демографическая ситуация всё-таки немного улучшилась.

Однако клевета на русский народ и опошление его роли в мировой истории оставили свои неизгладимые следы. Территория государства – это не только историко-генетический код государства, это ещё и воплощение представления народа о своей государственности, о своём Отечестве.

В историческом плане территориальность, территориальное сознание возникли раньше государственности, недаром русские князья всегда клялись Русской землёй, хотя единого государства в современном понимании ещё не было. Объединение в нацию, создание русской нации произошло после Куликовской битвы, когда на поле брани пришли тверичи, галичи, костромичи, москвичи, суздальцы, смоленцы, а ушли русские люди, именно русские, объединившиеся ради сохранения культурно-генетического кода исторической нации. Этот фактор обязательно надо учитывать при реализации любых экономических проектов.

Именно потому нельзя рассчитывать, что привезённые на нашу территорию мигранты, то есть люди иной национальной культуры, смогут развивать её в соответствии с существующими на ней историческими культурными традициями. Это абсолютная утопия, это глубокая ошибка, которая может нарушить и так трудный ход истории нашего народа в

условиях международного давления и негативного отношения мирового сообщества к России.

Меня очень радует, что у нас в стране есть пусть небольшое, но всё-таки заметное количество русских предпринимателей (не хочу говорить – бизнесменов), которые находят время заботиться не только о собственных доходах, но и о том, какова социально-культурная атмосфера тех территорий, где они живут и работают, есть ли на них социальные объекты, объекты культуры, и как они способствуют воспроизведению традиционных русских культурных целей и ценностей русского бытия. Конечно, время накладывает на них отпечаток, что-то к ним добавляется, что-то убывает, но историческое культурно-генетическое ядро сохраняется и объединяет старшие и младшие поколения, роднит предков с потомками. Благодаря этому в регионах Центральной России заметно проявляется тенденция восстановления родовых гнёзд, хотя нельзя закрывать глаза на то, что практически повсюду наблюдаются признаки так называемой материальной деградации: разорение земель, остаточное финансирование, падение рождаемости, замещение коренного населения мигрантами.

– Так что же в нас изменилось, что мы утратили больше всего?

– Если более точно формулировать главные потери, то они касаются духовной и национальной сфер. Дело в том, что при таком сильном замещении населения (а точнее сказать – на-

рода, имеющего территориальное самосознание, сплочённого не воинственным настроением, а национальным духом), мигранты, вместо того чтобы в него интегрироваться, уважая местные обычаи, национальные традиции, начинают воспроизводить «куски» своей культуры, которая а priori вступает в дисбаланс с культурой местного населения, поглощая её, как субстрат. И дело не в том, что кто-то хуже, а кто-то лучше – просто формируется дисбаланс интересов, который снижает энергетический потенциал русского народа, хотя я верю, что этот потенциал не пропал, а ушёл вглубь и затаился. Его надо как-то поднять, поддержать в людях веру в лучшее, в будущее, в Бога. Вера помогает справляться с трудностями, которые постигают абсолютно всех, но люди, имеющие веру, намного более стойкие, они лучше понимают действительность и успешнее противостоят невгодам. Именно поэтому мы и занялись проблемами русского народа. Мы не против кого-то, мы именно за него, за русский народ. Мы хотим сохранить его культурно-исторический генетический код как код самоценной этнической и национальной общности.

В Центральной России есть всё необходимое для развития экономики – дороги, население, телеграф, телефон, спутниковые антенны, близость к крупным центрам производства и потребления (не сравнить с Сибирью!); тем не менее, регион в упадке. Почему? Потому что у народа нет духовных сил. Идёт люмпенизация, духовное умирание населения, разрыв социальных связей. А если у народа нет культурного, наци-

онально-этнического, религиозного, духовного потенциала, не будет и стойких успехов экономического развития.

Я участвовала в обсуждении фильма Кирилла Серебренникова «Юрьев день», где аллегорически показан разрыв связей прошлого и будущего, распад социальных связей, кровных связей матери и сына. Это производит страшное впечатление, потому что люди перестали быть людьми и стали пылью, только она образовалась не после атомного взрыва, а после глубокого духовного взрыва, от которого в душе не остаётся ничего живого. Человек – существо социальное. Младенец, оставленный на необитаемом острове, никогда не станет человеком, потому что никогда не узнает, что такое добро, зло, любовь, благодарность, честь, совесть, достоинство, благородство. Эти морально-нравственные категории можно усвоить только в социуме, и в ходе их познания развиваются и обогащаются и социум, и индивидуум, поэтому они неразделимы. Об этом много рассуждал Ф.М. Достоевский.

Давайте попробуем понять, как и в чём в прошлом реализовала себя основная масса образованного населения, имеющая отношение к костяку русского народа. Русские реализовали себя в таких массовых профессиях, как инженеры-технологи, квалифицированные рабочие, военные, доктора, учителя. Но сегодня как раз именно эти области деятельности финансируются по остаточному принципу, можно сказать, совсем не финансируются, зато процветает торгов-

ля. То есть разрушение промышленности в регионах и малых городах привело к люмпенизации русского населения: бывшие инженеры или мастера стали люмпенами, теперь над ними поднялся полуграмотный продавец сигарет. Сокращение этих профессий – прямой шаг к деградации русских! А подъём индустрии, реальная экономика автоматически потребуют массу квалифицированных русских, поднимет их статус без всякого акцента на национальности.

Неквалифицированные таджикские и узбекские рабочие привносят в русский социум свои феодально-клановые отношения, которые потом переносятся в область закона. Я их не осуждаю, но пусть они выстраивают свои кланово-родовые отношения на своих территориях – на Кавказе, в Таджикистане или Узбекистане. Пускай они применяют клановые методы решения социальных проблем у себя на родине. Такая практика совершенно не свойственна русскому народу, поэтому костяк русского населения оказывается в проигрыше как экономически, так и морально. Получается, что нынешняя структура экономики, которую никак не могут скорректировать политики, просто убивает русский народ, лишает его социальной и исторической энергии, поэтому восстановление производительной экономики – это стимул к возрождению энергетической роли русского народа как стержневого народа русской истории и территории.

Это очень хорошо видно даже в радиусе 400 километров от Москвы, да что там, даже ближе! Сейчас построили хоро-

шую дорогу к Калуге – до Оптиной Пустыни рукой подать. А рядом Козельск – маленький русский городок, выдержавший тяжелейшую осаду войск хана Батыея. Только слава его осталась в далёком прошлом, а теперь Козельск – это покосившиеся домишки, колонки вместо водопровода, а где-то и их нет, да и работы для его жителей тоже нет... Почему же не вдохнуть в него жизнь?

– *Так жизнь нужно в первую очередь в людей вдыхать!*

– Да, я совершенно с вами согласна, но для этого людям, живущим в малых городах, надо прежде всего дать работу, для чего, в свою очередь, нужно использовать современные средства связи – мобильные телефоны и интернет, потому что во всём мире люди уже давно работают дистанционно, приезжая в офис всего пару раз в неделю, чтобы получить и сдать задания. Такой подход выгоден не только экономией времени, но и снижением экологической нагрузки на атмосферу за счёт сокращения автомобильных выбросов... Значит, в любом небольшом старинном русском городе можно создать проект, который обеспечит его жителям возможность работать, не выходя из дома.

Именно поэтому я с 2007 года ношусь с идеей развития старинных русских малых городов Центральной России, например Козельска, о котором школьные учебники рассказывают как о русской твердыне времён татаро-монгольского ига; Оптиной Пустыни – центра духовных исканий русских людей, духовной нравственности современности; Тарусы –

защитницы русской интеллигенции в тяжёлые времена; Жукова – родины маршала Жукова; Обнинска – центра русской науки; Малоярославца, где была окончательно сломлена гордыня Наполеона. Исход Тарутинского сражения предрешил его судьбу, и он, понимая глубину своего поражения, даже запасся склянкой яда, боясь в силу собственных амбиций и гордыни не пережить плена.

Кстати, если за что французы нас недолюбливают, так это за победу над Наполеоном. Помните Пушкина?

*И ненавидите вы нас...
За что ж? ответствуйте: за то ли,
Что на развалинах пылающей Москвы
Мы не признали наглой воли
Того, под кем дрожали вы?
За то ль, что в бездну повалили
Мы тяготеющий над царствами кумир
И нашей кровью искупили
Европы вольность, честь и мир?*

Французы, да и вся Европа перед ним преклонялись, возносили на недостижимые высоты, а мы взяли и разбили его прекрасную армию. Впрочем, как и армию Гитлера, ведь он тоже использовал всю политическую и экономическую мощь Европы. Пусть не сразу, но русский народ всё-таки опрокинул эти кумиры в бездну, пусть за победу и пришлось заплатить очень дорогую цену.

Именно поэтому так болит сердце за тот же Малоярославец, на улицах которого стоят покосившиеся дома с дырявыми крышами. России XXI века стыдно терпеть такие картины. Кстати, сегодняшнее состояние малых городов – это результат политики советской власти, которая проводилась с конца 30-х годов. Именно о ней писала Галина Литвинова, подтверждая экономическими выкладками несостоятельность остаточного финансирования городов Центральной России и вливания финансовых средств в окраины бывшей Российской империи. За это её и травил пресса.

Между тем финансовые вливания в южные республики превышали все мыслимые пределы. Например, есть данные о том, что в Таджикистане, имевшем собственную Академию наук, на 100 национальных учёных приходилось значительно больше аспирантов, чем на 100 русских учёных. И так во всём: если до Октябрьского переворота русский народ давал максимальный прирост населения, то после усилий советского государства, направленных на борьбу с младенческой смертностью на национальных окраинах, они стали набегать, и так продолжается в течение десятилетий.

В Советском Союзе пособие по многодетности полагалось с рождением четвёртого ребёнка, но среди русских таких семей практически не было. Однако его получали практически все семьи Узбекистана, Казахстана, Кавказа. Мой отец считал, что справедливее было бы давать государственное пособие на первых двух детей, потому что тогда все получали бы

поровну, и государство нельзя было бы обвинить в несправедливости, а обязанность выплачивать пособие на третьего и четвёртого ребёнка возложить на местные бюджеты. Поэтому только у русского народа есть право обвинять советское государство в том, что он вымирает из-за несправедливой национальной политики.

80 % населения России люмпенизируется, нравственно распадается, утрачивает интерес к будущему, но как только кто-то начинает «бить по этому поводу в колокола», его пытаются засунуть в клише национализма или национал-патриотизма, а после событий XX века люди боятся обвинений в нацизме. Хотя надо признать, что подобные уродливые явления есть и в русской среде. Их, правда, не очень много, но они, скорее, говорят о том, что люди, скандирующие «прорусские» лозунги, вряд ли знают, что такое настоящий русский патриотизм. Я считаю, что это социальное явление свидетельствует о деградации национального уровня понимания патриотизма, появившегося в результате провокационных внушений. Агрессивные социальные проявления – реакция на унижение и оскорбление русского народа, порождённая очень низкой, практически животной культурой среды.

Природа настоящего патриотизма – это чистая и искренняя любовь к Родине. Любовь к Родине похожа на любовь к матери. Она не мотивирована, ведь мы любим именно своих матерей, нам нет никакого дела до того, насколько моло-

до они выглядят, насколько они образованы или богаты. Это естественное чувство. В способности любить и заключается успешность человека. Истинный русский патриотизм имеет высокие, светлые идеалы и цели, он неагрессивен, он побуждает к созиданию, к историческому деланию, а задавленный, униженный, извращённый патриотизм возбуждает в людях гнев, угрюмую злобу и пестует деструктивные начала.

Но даже в такой ситуации надо ставить правильный диагноз. Нельзя говорить о народе, как о какой-то цементирующей смазке, он ценен сам по себе, он и есть величайшая историческая ценность. Именно поэтому большевики старались уничтожить национальные особенности и даже поставили цель сгладить национальные различия и создать новую историческую общность – советский народ, а сами пересчитали все нации и распределили блага согласно своим планам. Какие блага получил русский народ в XX веке? Никакие. В Советском Союзе не было ни одного ведомства, которое бы занималось социокультурными аспектами жизни русской нации.

В государственном плане мы, конечно, россияне. Россияне – хорошее слово, но оно определяет гражданство и связанные с ним экономические аспекты. Но как носители культурно-исторического кода, который создаёт исторические нации, мы, конечно, русские. Об этом никогда нельзя забывать, иначе нашей стране грозит деградация. Не зря социальные опросы говорят, что многие молодые люди хотят уехать

заграницу, но не из-за того, что у нас нельзя быстро разбогатеть. Наоборот, у нас «золотая» молодёжь ездит на Porsche Cayenne – попробуй, купи такую машину в 23 года где-нибудь в Европе... В социалистической Франции из 210 заработанных евро нужно отдать 110 на социальные налоги, потому всё работающее население держится за социальный пакет, «весьящий» больше, чем заработная плата, так как в него включены стоимость лекарств, оперативных вмешательств и терапевтического лечения. Франция готова пережить съедающую зарплату инфляцию и повышение налогов, но выходит на национальные забастовки, когда правительство заводит речь об отмене социальных пакетов.

Сейчас спорят, возвращать ли в паспорт графу «национальность». Я не против, потому что это даст мне возможность более правильно вести себя с моими согражданами. Я, например, никогда не приготовлю для татарина, который пришёл ко мне в гости, свинину и не скажу слово, которое может задеть национальные чувства моих сограждан. Национальные моменты важны, но их нужно вводить не насильственно, а добровольно. Мы всегда считали русскими тех, кто сохраняет в себе чувство сопричастности к культурно-философским и историческим аспектам русского гражданского бытия. Никакого насилия над личностью быть не может, но всё-таки государство – это сиюминутный политический институт, а Отечество – более глобальная историческая сущность, некий территориальный аспект самосозна-

ния.

– В России мощная парализующая интервенция прошла как раз через территориальный аспект, через запущенные земельно-имущественные отношения, и, как вирус, поразила потенциал умного планирования, опиравшегося на территориальный потенциал и учитывавшего его производительные силы. Сегодня проектировщики вынуждены договариваться с собственниками земли, иначе ни один проект, даже имеющий федеральное значение, не может быть реализован. Уместно привести пример Калужской губернии, администрация которой приняла решение развивать свою территорию за счёт привлечения иностранного капитала в автомобилестроение. Появилось несколько заводов, вошедших в промышленный кластер (хотя в экономическом плане это образование кластером не является). Но калужские учёные пришли к выводу, что обогащение за счёт привлечённых инвестиций, не учитывающих местные историко-культурные национальные аспекты, приводит к деградации местного населения, его социальной обеспеченности.

– Да, так бывает, когда взлетают цены на жильё. Так было в Страсбурге, тихом европейском буржуазном городке, когда там разместились официальная штаб-квартира Европейского парламента – целая армия чиновников Евросоюза. Цены на жильё взлетели так высоко, что оно стало не по карману даже обеспеченным жителям Страсбурга. Теперь оно доступно лишь чиновникам Европарламента, и то только пото-

му, что оплачивается из бюджета ЕС. Страсбургцы, разумеется, этим очень недовольны.

Кстати, цена на жильё – это основная причина демографического спада в России, потому что молодым семьям негде жить, а значит, негде растить детей. Накопить на квартиру не может даже хорошо зарабатывающий москвич. Это позорный факт свидетельствует об уродливости нашей экономической политики. Наше земельное законодательство пребывает в состоянии паралича. В нём много непродуманных решений, отражающих нашу уродливую экономику.

На месте губернаторов я бы ввела для инвесторов сервитут: хочешь строить и продавать элитное коммерческое жильё – бесплатно отдай городу два муниципальных дома, причём улучшенной современной планировки. Квартира XX века не должна походить на коммуналку. Четырёхметровая кухня должна стать двадцатиметровой кухней-гостиной, в которой сможет собираться вся семья. Это свойственно нашей культуре, ведь русские всегда – и в печаль, и в радость собирались в сердце дома, у очага, на кухне.

У нас очень разноплановая страна и по климату, и по менталитету, и по скорости мышления, поэтому нам нельзя иметь одну экономическую доктрину для всей страны. Я не утопист, но я очень мечтаю о массовом малоэтажном строительстве в России, которое соответствовало бы её культуре и способствовало бы возрождению страны на культурно-исторических традициях. Думаю, нужно опробовать в одном ак-

тивном регионе, в котором есть и умный губернатор, и развитый бизнес, модель проекта такой низкоэтажной застройки, где бы в каждом отдельном доме (доме в философском понимании как интегральной часть мира) с видом на лес, маленьким садиком женщины могли бы заботиться о своих семьях. При этом современные средства связи и хорошие дороги предоставили бы им возможность работать, и они бы не чувствовали себя прикованными к кастрюлям. Я всегда завидовала европейцам, потому что у них хорошие дороги. Они скрадывают расстояния и экономят время, которое можно использовать для работы, семьи, учёбы.

– Но отсутствие у нас хорошей сети дорог пока можно рассматривать и как плюс: наносная культурно вредная «зараза» не выходит на окраины, не распространяется на всю Россию!

– Да, у нас такие угодья, что глаза разбегаются. Места для строительства посёлков достаточно даже в 100 километрах от Москвы. Но если рядом с жилыми зонами не будет мест приложения труда, производств для зарабатывания денег – грош им цена. Нужно думать о производительных силах.

Например, в Калуге, центре Калужской области, много высших учебных заведений. У этой территории сильные научные традиции, там работали Леонтьев, Циолковский. Но сегодня ей необходимы средние образовательные заведения, чтобы готовить среднее производственное звено, ведь мест-

ность должна воспроизводить весь социальный срез, а не только низовые профессии.

– Я думаю, что такие проекты без инициативы сверху, то есть без участия государства, реализовать невозможно.

– Да, в России без участия государства ничего сделать нельзя, но в таких вопросах инициатива должна идти и снизу! Наше население совершенно потеряло навыки самоорганизации, а ведь оно было присуще русской ментальности: вспомните хотя бы вечевые традиции, когда многие социальные и политические вопросы решались на народных собраниях. Но какие-то ощущения остались на уровне нашей генетической памяти, и они понемногу восстанавливаются через общие малые дела.

Несколько лет назад я жила в доме с большими бестолковыми подъездами. Когда в нашем подъезде появилась консьержка, мы не рассчитывали на изменения, но она повесила на окна занавесочки, принесла большой цветок, потом появились ещё несколько растений, кто-то пожертвовал пальму, и подъезд преобразился. В нём не стало грязи и окурков, потому что упорядоченная среда протестует против хаоса, а куча мусора – нет.

Конечно, у нас в стране многое сложно... Можно годами биться как рыба об лёд без всякого результата, но не надо опускать руки, нужно продолжать бороться за конкретные добрые дела. Самоорганизация на местах ради воссоздания социально-культурной среды в регионе – это правильно. Се-

годня в Краснодарский край производятся крупные финансовые вливания, но практика показывает, что впрыскивание денег без воссоздания культурной среды превращает людей в волков, у которых нет морально-нравственных критериев оценки своих поступков, и формирует из них стаи. Поэтому надо использовать оставшиеся там дома культуры, сельские клубы, библиотеки и превращать их в плацдармы для воспроизводства культурной среды. Местное население воссоздаёт русские культурные сообщества, но надо поддерживать его усилия. Бюро пропаганды художественной литературы Союза писателей России и наш Фонд исторической перспективы проводили там пасхальные вечера. Заканчивались они всегда одинаково: люди подходили к нам, плакали и благодарили за духовную помощь.

Но в ней нуждаются не только жители отдалённых регионов, но и люди, живущие в ближнем Подмосковье. На наши встречи в сельских клубах приходят в основном пенсионеры – самое что ни на есть протестное население, но слушают они очень хорошо. Мы не грузим их депрессивными выступлениями на тему «всё пропало, Россия пьёт, кругом одни бандиты и вертихвостки». Все устали от негатива, надо продуцировать оптимизм в людях, поддерживать их духовные силы, чтобы они могли развивать территории и продолжать русский образ жизни на исконно Русской земле. Мы показываем фильмы о возрождении русских национальных ценностей, ставим вальсы Штрауса, пьесы Свиридова, Рах-

манинова, обязательно «Прощание славянки», и народ оживает, раскрывает глубинный потенциал русской души.

Я считаю, что без развития российской глубинки невозможно реализовать никакие «новые» концепции развития. Приказ догнать какие-то развитые страны или подражательная модернизация, которую проповедают последние десять лет, – всё это неэффективные устаревшие теории. Но есть и новые – например, американского учёного Айзенштадта и нашего философа-социолога Федотова, утверждающие, что настало время национальной модернизации, что не капитализм западного типа перемалывает национальные культуры, а наоборот, национальные культуры перемалывают западный наднациональный капитализм и берут только то, что нанизывается на рычаги, свойственные конкретной национальной культуре. Например, успехи Китая доказывают, что сейчас в мире время национальных модернизационных проектов. Конечно, у России и Китая есть что-то общее, но в условиях нашей зимы, при нашей «глубине промерзания», оказываются эффективными далеко не все проекты. Отопительный сезон в наших широтах начинается в октябре, а заканчивается в конце апреля. Это же сколько энергии надо, чтобы всю страну обогреть? А ведь стоит она недёшево.

Догоняющая модернизация создаёт только анклав – Москву, Петербург, теперь ещё и Сочи, которые вызывают общую нелюбовь, потому что, как гигантские пылесосы, высасывают талантливую молодёжь со всех территорий нашей

страны и превращают её в примитивных старателей, живущих по принципу «Полюбить – так королеву, а украсть – так миллион».

Со временем эти анклавы превращаются в уродливые агломерации типа Сан-Пауло, в которых и неба-то не видно, одни небоскрёбы. Они, конечно, громко и уверенно заявляют о себе как о центрах модернизации, но дело в том, что они, как вампиры, отбирают энергию у окружающих пространств, концентрируя её только в себе и только для себя. Они парализуют всё вокруг, сеют неравенство, социальную напряжённость. Они существуют сами по себе, отдельно от всей страны. О какой модернизации можно говорить в таком случае? Это тупиковый путь развития. Модернизация начнётся тогда, когда в провинции раздастся шум строек, когда в каждый её дом войдут газ и водопровод, а в малых городах и сёлах появятся асфальтированные улицы.

У нас такой климат, что наличие отопления не вопрос комфорта, а вопрос жизни и смерти. Если зимой на неделю отключить отопление, можно без боя занять город, никакой атомной бомбы не надо. Модернизация – это обеспечение бытовыми удобствами всей русской глубинки, потому что не важно, золотой у тебя унитаз или фаянсовый со следами ржавчины, так как наличие канализации подтверждает, что страна находится на одном цивилизационном уровне. А если часть народа бежит по нужде на двор, то это потеря исторической идентичности на 50-100 лет. Если вы ездите

на «Жигулях», а кто-то – на Porsche, то при всём различии автомобилей между вами нет большой разницы: вы находитесь в одном цивилизационном поле, потому что используете энергию, вырабатываемую двигателем внутреннего сгорания. А вот если в это же время кто-то едет в телеге, запряжённой лошадью, то он оказывается в другом цивилизационном поле – поле позапрошлого века.

– Можно ли подытожить наш разговор, сказав, что при разработке механизмов реализации проектов экономического развития российских территорий необходимо ориентироваться на русский историко-генетический код?

– Ну, если вы проектируете для Кавказа, то надо принимать в расчёт национальные особенности кавказского менталитета.

– Боюсь, на Кавказ меня не хватит, мне бы хоть немного российские территории развить...

– Правильно. Я же тоже не ставлю интересы русского народа выше интересов других народов. Я только борюсь за их соблюдение, иначе начинается «атомизация», распыл, уничтожение русской исторической нации. Нельзя забывать, что сейчас 80 % населения требует такой заботы. Надо учитывать русский код, и, если мы хотим развивать Центральную Россию, надо ставить препоны алчным бизнесменам, использующим рабский труд мигрантов из южных республик.

– Опыт 80-х годов показал, что бездумный строительный бум породил массу экологических проблем, от которых

страдает современное население. Поэтому теперь практически во всю проектную документацию необходимо вводить раздел «Охрана окружающей среды» или «Природоохранные мероприятия», в котором следует доказать, что проект не наносит вреда окружающей среде, что в ходе его реализации будут использоваться конкретные природоохранные технологии. Может быть, повторить успешный опыт и ввести в проекты, затрагивающие культурные и социальные интересы местного населения, способные изменить территориальный уклад его жизни, раздел «Охрана русского историко-генетического кода»?

– Я думаю, это вполне приемлемый опыт, потому что человек, построивший зал игровых автоматов и назвавший его «Вавилон», приложил руку к разрушению русского историко-генетического кода. Недаром в пуританской Америке игровые залы вынесены в отдельные города, и уж тем более они не могут появиться рядом со школой, как в Москве на Ленинском проспекте.

Пока это зло до конца не искоренено, но борьба началась. Шансы на победу есть, хотя у нас процветает оборотный капитал, деньги делают деньги, экономика зависит от цен на нефть. Что случится со страной, если в 2 раза упадут цены на нефть? Подумать страшно. А вот Китай развивает собственное производство. Вообще китайский путь достоин изучения, пусть это другая цивилизационная модель, другие внутренние пружины, побуждающие людей к действию. Китай-

цы используют для реформирования государства правильный принцип – «При всей пользе для государства реформы не должны вредить населению». А у нас перед тем, как строить новый сарай, старый ломают без сожаления, а когда новый готов, выясняется, что хранить в нём уже нечего – добро промокло и сгнило.

– Да, и в этом плане нам как разработчикам схем территориального планирования и генеральных планов важно понять, какую структуру сельского населения надо сохранять, а какую создавать, чтобы не умерла традиционная система землепользования.

– А вы знаете, что Япония, ежегодно потребляющая огромное количество риса, не пускает на свой внутренний рынок пакистанский рис, хотя он значительно дешевле, потому что производство риса – это основа существования японского крестьянства, носителя и хранителя национального самосознания, национального духа. А Франция буквально «разъедается» чужестранцами, потому что оттуда ушёл национальный дух. Даже Нотр-Дам утратил значение центра религиозной, духовной и культурной жизни страны и стал простым архитектурным памятником, интересным только туристам, поэтому рядом с ним уже можно жарить шашлык...

– Если и дальше так дело пойдёт то, и у нашего храма Василия Блаженного тоже можно будет жарить шашлык... Отсутствие внятной национальной политики, националь-

ной идеи и национального кода русского народа ведёт к «болотному» состоянию развития всего государства. Среди политиков почти нет пассионариев, поэтому даже вброс в регионы денег не может спасти положение, так как на исконно русских территориях искоренена русская культура, а для простого человека культура – это воспроизведение традиционной русской жизни на земле, которой его насильственным путём лишили большевики. Нужно мерить себя по русскому коду, иначе смерть государству российскому!

– Именно поэтому революционеры всех мастей начинали ломать государственность с уничтожения крестьянства как носителя традиционного религиозного сознания, консервативного хранителя национального самосознания, историко-генетического кода нации. Так поступили якобинцы, которые сразу уничтожили Вандею, потому что её сельское население поддержало короля и не приняло революцию; по такому же сценарию действовали и вожди революции 1917 года. Троцкий призывал к уничтожению крестьянства, мотивируя это тем, что «почитание родителей и икон противоречит духу революции». Он прекрасно понимал, что если не уничтожить крестьян как носителей традиционного образа жизни нации, ни о каком успехе большевиков не может быть и речи. Троцкий предлагал создавать для уборки урожая трудовые армии, но это абсурдный ход кабинетной доктрины, потому что крестьянство – не профессия, а образ жизни, круговорот работ, связанных с жизнью земли и ско-

та, в котором нельзя разделить труд и досуг. Помните, как в «Тихом Доне», когда Мелиховы принимают решение уходить от красных, старик-отец спрашивает: «Да куда ж вы с курами, с коровами пойдёте?» Недвижимость не сдвинешь с места...

А у нас всё компаниями – где-то что-то услышали, и давай внедрять! Но в разных странах одинаковые технологии могут иметь совершенно разные эффекты.

Не надо быть кабинетным работником или интеллектуалом, чтобы понять, что за «500 дней» нельзя изменить жизнь огромной страны. Россия большая, центры производства и потребления достаточно далеко разнесены по её территории, поэтому перевозка любых товаров обходится дорого, а зимы у нас холодные, погодные условия для нежного высокотехнологичного производства малоподходящие. А поскольку мы находимся не на постиндустриальном, а на прединдустриальном этапе развития общества, нам ещё надо строить производство и дороги.

Поэтому России необходимо развивать малые города, создавать между ними паутинки экономических, социальных и культурных связей, коммуницировать их пространства. Первые результаты этой работы появятся лет через десять, не раньше, а наше Правительство всё ещё рассчитывает на какие-то сиюминутные результаты. Пора бы понять, что это невозможно. Даже хорошая идея материнского капитала не отработана до конца... А что показывает российское телеви-

дение? На что настраивают нашу молодёжь? Исключительно на гедонистические ценности, на жизнь ради удовлетворения собственных амбиций. А надо пропагандировать культурные и национальные ценности, способствующие сохранению русского культурного кода, например: говорить, что воплощение любви – это семья, которая обязательно должна скрепляться рождением ребёнка, тогда и гедонистические ценности отходят на задний план. Нужно показывать не придуманную, а настоящую жизнь, и ориентировать молодое поколение не на участие в реалити-шоу, а на честный труд в родной стране и на благо родной страны.

Журнал «Территория и планирование», 26 декабря 2011 г.

Воспоминания о Вадиме Валериановиче Кожинове

Впервые имя Вадима Кожинова обратило на себя моё внимание в 80-е годы, когда я работала в секретариате ООН в Нью-Йорке. Часть из нашей русской общины читала «Наш современник», пользовавшийся у нее большой популярностью (журнал копировали на ксероксе и передавали друг другу). И вот в одном из номеров журнала появилась большая статья Вадима Кожинова «Правда и истина», в которой был дан блестящий анализ мировоззренческой сути книги Анатолия Рыбакова «Дети Арбата». Помню, как эта статья меня взволновала! Я вдруг увидела, что есть ещё люди, которые думают так же, как и я! Но только я боялась высказаться, так как мне казалось, что меня никто не поймёт. Ведь вся тогдашняя идеологическая полемика проходила между двумя ветвями одного левого мировоззрения – между ортодоксами марксистами-ленинцами и либералами-западниками, выросшими из того же революционного антирусского лагеря. А у Кожинова прослеживался совсем иной взгляд на историю советского периода.

Я даже показала эту статью Алексею Пороховскому – русскому эмигранту, тоже работавшему в Секретариате ООН, который весьма подозрительно к нам относился, хотя был очень вежлив. Было ощущение, что он думал, будто мы со-

всем строем ходим и боимся, как в первые годы революционного террора. И он мне сказал: «Я изумлён, что у вас в Советском Союзе могла выйти такая статья. Ведь она не левая, а скорее правая». Он-то правильно понимал термин «правый» – это антипод революционному, и марксистскому и либеральному!

Это ведь только курьез постсоветской политической семантики сделал «правыми» убежденных воинствующих левых либералов, атеистов и рационалистов – «граждан мира» А. Сахарова, Е. Боннер, С. Ковалева, Чубайса и Немцова, представителей левой большевистской эстетики «Пролеткульта» – Е. Евтушенко, А. Вознесенского, В. Аксенова с их эстетикой советского андерграунда. Даже гротескные персонажи вроде В. Новодворской, вызывающей образ Петруши Верховенского с дохлой мышью в кармане для иконы, именуют себя и считаются «правыми», хотя относятся к философской и идеологической левизне и к левацкой субкультуре.

Мне кажется, Кожинов, что мне очень близко, оценивал развитие СССР не по соответствию «идеалам революции» (как мыслил герой Рыбакова Саша Панкратов), а по критерию восстановления элементов традиционной государственности и обычного понятия национальных интересов. А тогдашние идейные кумиры постперестройки – ниспровергатели советского государства – ненавидели СССР вовсе не за догматическую приверженность марксизму-ленинизму, а

за советское великодержавие.

Честно скажу, что именно Кожинов был тем человеком, благодаря которому я сама осмелела и окрепла. У меня роились мысли, меня мучили размышления о том, что происходит. Но вокруг себя я как-то совершенно не видела собеседника по этим темам, кроме моего уже покойного отца, беседы с которым перед его смертью в 1989 году очень на многое мне открыли глаза. Именно кожиновские работы поразили меня близостью мировоззренческой панорамы, взглядом на революцию, на большевиков. Кожинов в своей статье разоблачил суть главного героя «Детей Арбата» Саши Панкратова, который был представлен автором этаким благородным борцом против культа личности Сталина, однако, на деле, принадлежал к оголтелым марксистам-революционерам. Основная претензия Панкратова (а вместе с ним и Анатолия Рыбакова) к власти: «Не тех расстреливают» (кстати, те же обвинения Сталину в своих мемуарах бросает Троцкий, сравнивая сталинский период с термидорианской реакцией, а себя – с якобинцами!).

А личное знакомство с Вадимом Валериановичем состоялось в 1991 году. В это время в Москву приезжал один из деятелей Конгресса русских американцев из эмигрантов первой волны Аркадий Николаевич Небольсин, который попросил меня познакомить его с ведущими общественными деятелями некоммунистического толка. Через депутата Михаила Георгиевича Астафьева и Кадетскую партию, в которой я

тогда примкнула, пригласили человек двенадцать. Не со всеми я даже сама была лично знакома! Встреча проходила у меня дома. Были: Владимир Осипов, В. Кожинов, И.Р. Шафаревич, Ксения Мяло, С. Куняев, А. Мельникова, Михаил Астафьев, В. Селиванов.

С тех пор мы часто оказывались с Вадимом Валериановичем вместе на встречах, устраиваемых «Нашим современником» (в те годы я активно начала печататься в этом журнале, чем невероятно гордилась), на каких-то других вечерах. Помню, приходил он иногда и в политический клуб Кадетской партии, созданной Михаилом Астафьевым в бытность его депутатом Верховного Совета СССР. Мы устроили настоящий большой лекторий на проспекте Мира в здании райсовета, который собирал по средам порой до 200 человек. Кроме депутатов, которые потом вошли во Фронт национального спасения, там выступали иногда и мыслители – Кожинов, Куняев, Шафаревич, Кургинян и другие. Такие встречи продолжались до трагических событий в октябре 1993 года. Встречались мы часто и в редакции «Нашего современника», куда я захаживала, где мы подолгу сидели, комментировали, делились впечатлениями.

Меня всегда поражали выступления Кожинова. И перед аудиторией, и в телевизионных дебатах он говорил очень выразительно, ярко, но у него никогда не было ни одной митингово-крикливой нотки, так в то время распространённой и по своему, конечно, неизбежной в тот кипящий пери-

од. Это был человек с большим внутренним достоинством. Никто ему не мог навязать неприемлемый для него стиль полемики, он никогда не поддавался на провокации. Кожинов всегда оставался спокойным, и только иногда, наблюдая бессильную ярость оппонента, позволял себе ироническую улыбку мудрого человека. Причём его сдержанность сочеталась с оригинальностью, смелостью и бескомпромиссностью убеждений.

У Кожинова была потрясающая логика. Он выступал и писал понятно, доходчиво, но вместе с тем без вульгаризмов, без крикливого обличительства, беспощадно опровергая аргументы оппонентов, при этом не только не оскорбляя их, но и не используя ни одного неделикатного слова. Без такой спокойной, вдумчивой, аргументированной полемики на высоком уровне, какую вёл Кожинов, ни одно серьёзное идеологическое направление не смогло бы пробить себе дорогу с улиц в респектабельные залы, в Думу и круги чиновников, а значит, не отвоевало бы себе место в общественном сознании, с которым теперь считаются. Общество не может постоянно находиться в состоянии битвы, как не может человек 24 часа в сутки находиться в экзальтации и эйфории. И после баррикадного периода логично последовала терпеливая кропотливая работа, и она была бы невозможна без того фундамента, что строил Вадим Кожинов.

Вообще, надо заметить, в 90-е годы в Москве была очень непростая ситуация в общественной дискуссии. Царило рез-

кое размежевание. К примеру, читатели газеты «Завтра» в руки не брали газету «Известия», и каждый в своём узком кругу замыкался, круг по-своему дичал, происходила неизбежная маргинализация всех без исключения секторов сознания. Это была общая беда. В то время как совместная полемика позволяет взглянуть на самих себя другими глазами, увидеть и свои перегибы, подумать над аргументацией вместо эмоционального задора, даёт возможность развиваться интеллектуально.

Да, Кожинов много сделал для того, чтобы спокойное недогматическое отношение к взлетам и падениям, грехам, заблуждениям и достижениям русского XX века пронизало и интеллигенцию. Ведь наш образованный слой, особенно гуманитарии, был гораздо больше «проутюжен» марксизмом, чем простой народ, который сохранял шукшинское отношение к действительности. В те времена встретишь столичного университетского профессора – либо марксист-ленинец, либо либерал-западник! А сторонников русского национально-державного направления, которые могли бы панорамно взглянуть на все века нашей истории было совсем немного. Разумеется, на этом фоне фигура Вадима Валериановича чрезвычайно значима.

Что мне ещё нравилось в нём – тонкое чутье в отношении тем, которых он сам не касался по неизвестным нам причинам, например, роли православия в русской истории и русском сознании. В отличие, к примеру, от уважаемого мною

Сергея Кара-Мурзы, объявившего советскую цивилизацию чуть ли не вершиной русской национальной идеи и предпочитающего вообще не замечать ни православия, ни полной антихристианской сути догматического марксизма-ленинизма. Кожинов, хотя и не производил впечатление церковного человека, никогда не делал идеологических обобщений, которые могли бы его скомпрометировать как мыслителя, игнорирующего целые пласты философской картины мира в историческом сознании.

Блестящий знаток литературы и литературовед, он стал еще и подлинным культурологом. В его работах, где он размышляет о мировой истории, сравнивая культурное своеобразие Запада и России, представлен блестящий сравнительный анализ культурно-исторического сознания.

Во многом благодаря именно Кожинову у нас на выходе из «перестройки» начала все же оформляться третья общественная сила, которая выходила за пределы послереволюционного мировоззрения и спора между Октябрем и Февралем 1917 года. В лице Вадима Вале-риановича русское патриотическое чувство и движение были воплощено в высшей интеллектуальной форме, но при этом не чуждой народному протесту, а выразившей его цивилизованно и убедительно, что было залогом его будущего становления и разрастания. Ведь следует признать, что в 90-е годы в патриотическом лагере – конечно, неизбежно и закономерно – было очень много маргинального, которое никогда не могло бы занять до-

стойного, уважаемого места в обществе и политике.

*Беседу с Н.А. Нарочницкой вел Илья Колодяжный
13 июля 2010 г.*

Наследие Столыпина актуально и сегодня

14 апреля наша страна будет отмечать 150-летие со дня рождения Петра Столыпина, с 1906 по 1911 год исполнявшего обязанности премьер-министра Российской империи. Его назначили на высокий пост в сложное время, когда общество было крайне поляризовано. Реформатор и патриот, он всем сердцем любил Россию и за пять лет значительно укрепил ее могущество. На своем посту Петр Аркадьевич пережил 10 покушений, но одиннадцатое, к несчастью, достигло своей цели. О великом премьер-министре великой России «Смена» беседует с известным историком и политологом Натальей Нарочницкой.

Реформы бывают разными

– Наталья Алексеевна, как вы сами оцениваете деятельность Петра Аркадьевича Столыпина?

– Думаю, Столыпин был единственным в России XX века ярким реформатором и одновременно ярким охранителем национального кода России и русских. Его реформы были рассчитаны не на применение каких-то заимствованных форм и институтов, которые бы полностью ломали сердцевину национальной жизни и разрушали государство, – они были нацелены на мобилизацию огромных внутренних ресурсов на-

рода. Этим он отличается и от большевиков, и от левых либералов, которые требовали сначала все сломать, а потом начать строить. Столыпин, в отличие от них, не был готов ради каких-то надуманных кабинетных теорий жертвовать национальными интересами. Он отлично понимал, что в огромной и многоукладной стране нужны последовательные, но постепенные перемены. Хорошо известно его высказывание, что для реализации реформ в России нужно двадцать лет без войн и революций, с внутренней стабильностью. Именно поэтому он и бросил тем, кто хотел разрушить все до основания, свои знаменитые слова: «Вам нужны великие потрясения, нам нужна великая Россия!»

– И он начал свои реформы, но, к сожалению, не смог закончить...

– Да, а потом произошла революция. Большевикам потребовалось пятьдесят лет, чтобы достичь экономических показателей, которые были в России еще в 1913 году! Обратите внимание, каких выдающихся успехов добился Китай благодаря грамотным реформам. Дэн Сяопин очень правильно говорил, что реформы не должны быть слишком дороги в социальном плане и не должны приводить к ослаблению государства. Этим же руководствовался и Столыпин. К сожалению, совершенно другую позицию заняли наши реформаторы 80-90-х годов, обещавшие построить новую экономическую систему за 100 или за 500 дней. И сейчас мы понимаем, что тогда они больше разрушили, чем создали. Что-

то мы, конечно, построили, но заплатили за это чудовищную социальную (и не только) цену. Опять потребовалось двадцать лет, чтобы восстановить промышленное производство до уровня 1990 года! Произошла деиндустриализация экономики! Ельцинские и гайдаровские реформы создали рынок, но какой несовременный и дикий рынок! При этом в течение 90-х годов Россия неуклонно и стремительно теряла свои позиции, хотя у нас еще были внушительная экономика и неразрушенная индустрия. И при всей той мощи мы, тем не менее, совершали уступку за уступкой по отношению к другим странам. Потому что когда начинают ломать и выстраивать новые рычаги управления, то приходится искать поддержку со всех сторон, идти на уступки и компромиссы. Вот сегодня возмущаются по поводу алчного, беспардонного чиновничества и олигархического капитала. А это же как раз последствия чудовищных реформ со слишком дорогой социальной и государственной ценой!

«Я врачую большую Россию»

– Однако мог ли Петр Аркадьевич воплотить свои идеи в жизнь, не имея широкой поддержки общества?

– Почему же, поддержка у него была, многие умы понимали, что России необходимы изменения без революции. Однако радикально настроенная часть общества, конечно, его ненавидела. Причем и революционеры, мечтавшие свергнуть монархию, и реакционеры, которые вообще не хотели ничего менять. Очень образно про Столыпина сказал Иван

Солоневич в книге «Народная монархия»: «Его ненавидели те, кто уже держал наготове бомбу, и те, кто не хотел выпустить из рук розгу». С одной стороны, Петр Столыпин выбивал почву из-под революции своей земельной реформой. Ведь земельный вопрос в России – в стране с огромной территорией, с огромным крестьянским населением, которое тогда составляло около 80 процентов, – был чуть ли не основным! Безземелье крестьян, безусловно, стало источником сильной социальной нестабильности.

С другой стороны, Столыпин своими военно-полевыми судами жестко взялся за тех террористов, которые совершали убийства государственных деятелей. Большевики за это называли Столыпина реакционером (хотя он как раз был ярким модернизатором!), палачом, вешателем. Но, простите, его репрессивные меры против террористов были ответными мерами! Достаточно сравнить статистику: десятки тысяч людей погибли от рук террористов, сам Столыпин и его дети пострадали от покушений. Поэтому неудивительно, что террористов стали арестовывать и казнить. Петр Аркадьевич был очень решительным человеком. И когда ему бросали обвинения в Госдуме, что он палач, он отвечал: «Нет, я не палач! Я врач! Я лечу больную Россию».

**Образ мыслей Столыпина – источник вдохновения
Путина**

– Сегодня часто вспоминают Столыпина, а Владимир Путин приводит в своих выступлениях известные высказывания

вания реформатора. На ваш взгляд, с чем связан такой интерес к этой исторической персоне?

– Мне кажется, образ мыслей Столыпина является для Путина источником вдохновения и поиска концепций. Ему близка позиция последовательного, но постепенного изменения общества, не в одночасье. Особенно это важно для такой большой страны, как Россия. Огромный корабль нельзя сразу развернуть на 180 градусов, не опрокинув его. Россия слишком многоукладна. Нет такой страны, где люди жили бы и в условиях пустыни, и в условиях вечной мерзлоты, в быту XIX и XXI века одновременно! Демократические западноевропейские страны, которые часто приводят в качестве примера, развиты ровненько. Там провинция живет в том же веке, что и столица. У нас совсем не так. И наши реформаторы должны это хорошо понимать и учитывать. Надо выравнивать страну, поднимать провинцию, и тогда можно говорить о ровном движении к модернизации. Почва для нее уже достаточно подготовлена, но есть много отраслей и регионов, которых положительные изменения не коснулись. И это тоже надо признать. В новом политическом цикле нам нужны серьезные и притом хорошо продуманные проекты преобразований и в индустриальной области, и в отношении государственного управления. Будет, конечно, много препятствий. И мудрость постепенных реформ как раз в том, что они позволяют планомерно и последовательно выстраивать приоритеты и устранять такие препятствия. Не сразу бросать

вызов всем и вся, иначе все реформы попросту рухнут, но постепенно идти вперед. У Столыпина был такой продуманный план, рассчитанный по годам. И его наследие, безусловно, для нас сегодня важно и актуально.

Юлия ЛИ, газета «Смена», 9 апреля 2012 г.

«Кризисы заканчиваются. Вопрос в том, какими мы выходим из них...»

Беседа с доктором исторических наук, президентом Фонда исторической перспективы Н.А. Нарочницкой

– Наталия Алексеевна, сегодня наши СМИ все больше упадок да распад показывают. А русскому человеку вообще свойственно мыслить эсхатологически – для кого-то уже и конец света наступил. Неужели и впрямь все так плохо?

– Ну, мне так не кажется. Слава Богу, Россия за последние лет десять все-таки сумела собраться духом, восстановить честь и достоинство на мировой арене. Это стало возможным, в том числе, и из-за осознания властью своих исторических задач и ответственности.

Да, настали нелегкие времена – люди теряют работу, все дорожает, деньги обесцениваются. Возникло беспокойство, которое, было, утихло в последние годы. Но и наступил час икс для нового поколения «завышенных амбиций», которое в 25–35 лет получило возможность иметь все, что заблагорассудится. Только «у них жемчуг стал мелким», а печься надо о тех, «у кого щи совсем жидкие стали». В провинциальных городах, где закрываются градообразующие предприятия, не просто экономический кризис, а кризис жизни – крах устоев, социума, что может очень ожесточить людей.

Но, если мы станем волками, то уж точно не выдержим

испытаний. Человек без когтей и клыков встал над природой лишь потому, что готов был на самопожертвование ради неких высших идеалов. И только потому, что при кораблекрушении слабого несут на руках и преломляют с ним хлеб, в итоге человечество выживает. А на нашем телевидении в передачах типа «Дом-2» или «Последний герой» все безнравственность и грубая сила побеждают.

А вообще, сегодня важно не потерять ту связку, которая нащупалась за последнее десятилетие. Вспомните середину 90-х – полный раскол и разброд, у каждого свой контракт с государством. Никакого тебе равенства и братства, только свобода!

– *«Слишком свободен стал человек, слишком опустошен своей пустой свободой, слишком обессилен длительной критической эпохой...»?*

– Вот именно. Сколько мы тогда утрат понесли! Ведь самые печальные ситуации в жизни нации возникают именно тогда, когда она не знает еще, чего хочет, но знает уже, чего не хочет. А этим состоянием метания, когда не сформулированы ни национальные интересы, ни общее интуитивное национальное задание, внешние силы всегда пользуются, реализуя свои интересы. Именно в то безвременье мы растеряли многое потом и кровью достигнутое за 300 лет русской истории. И ведь большинству казалось, что все это не так важно! Только потом осознали и драму разделенного русского народа, и то, что судоходные реки и незамерзающие порты оди-

наково нужны и монархиям, и демократиям, и коммунизмам и всяким иным «измам».

– Ну, хорошо, восстанавливали мы, восстанавливали свои честь и достоинство последние десять лет, а кризис все свел к категориям чисто экономическим. О какой нравственности, спросят Вас, может идти речь, когда цены на нефть падают?

– Как раз сейчас, когда Господь опрокинул столы менял всего мира – банки, как он это сделал в Иерусалимском храме, может оказаться востребована историческая роль России на духовном поприще. В этой области не нужно заворачивающих цифр «валового внутреннего продукта», здесь нужен дух и интеллектуальный потенциал, здесь нужна масштабная история за плечами, огромный опыт социального эксперимента – вот, где мы равновеликий игрок мировой истории.

Рано или поздно все кризисы заканчиваются. Вопрос в том, какими мы выходим из них – собранными воедино, создавшими новый уровень взаимосвязей, новый уровень коммунального сообщества и социального решения, тем самым дав импульс развитию и социума, и производства. Либо наоборот – разбитыми, разобщенными, опустошенными и озлобленными. Тогда – все опять начинай с нуля.

– Николай Бердяев отмечал, что государства создаются не для того, чтобы привести людей в рай, а чтобы не дать им оказаться в аду. А какое государство в России, на Ваш взгляд, может быть источником силы? Где бы не происхо-

дило ничего противного Богу и закону?

– Во-первых, безгрешных государственных устройств не бывает, и это понятно, ведь государство – творение рук грешного человека. К тому же в чистом виде ни одна доктрина общественного устройства никогда не реализовывалась, а только в переплетении с другими и всегда на определенной исторической, национальной, культурной почве, с большей или меньшей отстраненностью элиты от национальных интересов страны. В том, что мы видим на том же демократическом Западе, которому мы пытаемся следовать (часто слепо), тоже немало и фарисейства, и двойных стандартов. Хотя, безусловно, там много достойного, что можно и нужно перенять.

– Но в России демократы всегда исторически проигрывали. Другой русский философ, Василий Розанов, воспринимал демократию на нашей почве, как «детскую корь, как временное умопомешательство». Почему так?

– Общественный договор Руссо, который, как считается, лежит в основе западной демократии, по сути, подразумевает под государством совокупность граждан, объединенных простой отметкой в паспорте, заключающих как бы контракт с ним. Для россиян же, согласно формулировке Филарета Московского, государство, в идеале, – это общество семейного типа, когда нация представляет собой одно большое семейство, а власть несет моральную ответственность, думает не только о рациональном и правильном, но и о праведном

и должном как истинный библейский отец.

Тем не менее, в начале XX века в идейном споре о том, какой модернизационный проект предпринять – свой или заимствованный, – «славянофильство» на целый век проиграло западничеству, которое нам сначала явило «бесов социальности», затем, когда от тех устали, – гримасу «демонов индивидуализма» в лице наших постсоветских либералов. Максималисты и доктринеры, они сочли, что высшая доблесть «подлинного демократа» – потирать руки от неудач своего правительства, топтать собственную историю и оскорблять жизнь и подвиг отцов. И все это вместо смиренного преодоления заблуждений, их осмысления.

Нынешний кризис многое заставляет пересмотреть.

– Насколько известно, и Европу нынешний кризис заставил задуматься. Вот и Саркози уже заявляет, что капитализм должен быть нравственным.

– Это очевидно. Кстати, только наши постсоветские либералы отринули социальный подход к государственному устройству, а вся континентальная Европа к этому давно шла. Меня вообще поражает, как наши идеологи умудряются подбирать западные учения с таким опозданием, когда те уже там либо трансформировались, либо находятся в состоянии заката со всеми накопленными грехами.

В Европе постоянно только и слышишь о духе корпорации. Наши же либертарики твердили о полной освобожденности от государства и ответственности перед ним, демон-

стрируя капитализм со звериным оскалом образца XIX века. Но ведь уже империя Форда в начале XX века создавалась с мыслью о том, что все работники ее заводов являются членами одной семьи.

– И все-таки, возвращаясь к вопросу о нашем государственном устройстве, – может быть, у России действительно свой особый путь, свой сакральный смысл существования? И наша судьба, как считали многие русские философы, – державность? Она больше соответствует нашему сознанию.

– Насчет державности соглашусь. Вот только провозглашать себя великой державой – это не крепить блестящую мишуру на национальное платье, которое можно одевать по праздникам и потом убирать в сундук. Это очень большая ответственность, если хотите, – Богом данная миссия. Она определена и размерами территории, и масштабом истории, и теми катаклизмами, которые суждено было государству пережить. И вряд ли мы справились бы со всеми испытаниями, если бы не обладали тем самым объединяющим нас державным сознанием.

При этом, заметьте, Россия не собиралась насильственным путем, чтобы там ни говорили. Грехов у нее достаточно, были, конечно, и завоевания – этого никто не отрицает, но в историческом сравнении, учитывая огромную нашу территорию, они не так значительны. В основном же вступали в Россию добровольно. Причем, вступали осознанно не

в какое-то безликое и безбожное государство, что повергло бы в ужас любого правоверного мусульманина тех времен, а именно в русское православное царство. Взять тех же татар. Я часто привожу этот показательный исторический факт: взятие Казани было жестоким и, тем не менее, татарские старейшины, которые еще помнили это, собрали в помощь Минину и Пожарскому целое ополчение, хотя могли воспользоваться моментом и «отложиться» от Московского царства, провозгласить суверенитет. Однако они этого не сделали. Значит, уже было какое-то осознание исторической общности с нами.

– Кстати, Вас часто упрекают за то, что на вызовы сегодняшнего дня Вы ищете ответы в прошлом, в то время, как большинство политиков заняты сведением счетов с ним.

– Я как раз очень современный человек! Но сколько великих мыслителей указывали: чтобы не потерять дорогу вперед, нужно чаще оглядываться назад. Вот река течет извиристо, и только поднявшись высоко, можно посмотреть, куда и откуда она, собственно, течет. К истории же нужно обращаться, чтобы понимать место своего государства, своей нации, своей культуры в общем движении человечества, понимать, как оно взаимодействовало с другими.

Россия родилась не в 91-ом, и не в 17-ом. Жизнь ее протекала на колоссальном пространстве, охватывала огромный исторический период, и с этой высоты даже то, что произо-

шло с ней в XX веке – всего лишь зигзаг на ее пути. Слишком же увлеченные сегодняшним днем люди просто не хотят видеть этого общего движения, поэтому им трудно понять, как сегодняшний день, казалось бы, такой частный и конкретный, может повлиять на общий ход истории.

– Россия всегда была страной «авангардного эксперимента». Мы многое пробовали, на многом обжигались, опрометчиво от чего-то отказывались...

– Да, прямо скажем, мы оказались не на высоте и когда пересматривали свою недавнюю историю.

От души поглумились над жизнью своих отцов вместо того, чтобы перевернуть страницу истории с достоинством. Из любого эксперимента исторического надо выходить с ощущением сопричастности ко всему происходящему, а не отчужденности.

Очень не хотелось бы, чтобы и сейчас нас захлестнула новая волна ненависти – бедных к богатым, молодых к старым. Нельзя позволить образоваться пропасти между молодежной субкультурой, с ее часто неадекватными претензиями, и культурой преемственной.

– А вот гуманизировать общество у нас всегда была призвана русская классическая литература. Она воспитывала человека в человеке. Нынешняя же школьная реформа образования, по сути, литературу «выводит за скобки». Эту реформу уже сравнивают с нейтронной бомбой, которая, не разрушая тела, уничтожает душу. Что Вы скажете по

этому поводу?

– Конечно, вопрос гуманитарного образования – это, прежде всего, вопрос нашей идентификации. Оно закладывает основы мировоззрения. Недаром же при большевиках было многое из классики запрещено, ибо она ставила христианские вопросы и давала на всё христианские ответы. В 30-е годы, когда запрет на классическую литературу был снят, Георгий Федотов, будучи в эмиграции в Париже и откликаясь на все идеологические нюансы в России, прямо сказал: «Россия спасена! Две страницы Пушкина и Достоевского стоят тонны газеты «Правда!»» Он, конечно, тогда поспешил, сделав вывод о скорой отставке марксизма, но тем не менее.

А если убрать классику и оставить для преподавания, как чуть было не сделали, только произведения постмодерна с проповедью относительности всех ценностей, наши дети просто не научатся задумываться о нравственной стороне своих поступков. Да плюс еще эти агрессивные компьютерные игры...

Нас и так сегодня накрыла волна невежества, необразованности, грубости, некомпетентности и чудовищной самонадеянности. Мы не интересуемся собственной историей, литературой. Это трагедия, потому что, если нация не знает собственной истории и теряет богатство своего языка, она не может продолжать себя в истории, и она не сможет удержать свою территорию.

Наш Институт демократии и сотрудничества проводил во Франции круглый стол с ведущими историками, посвященный юбилею Первой мировой войны. Обсуждали тему – образы России и Франции в сознании друг друга через призму исторической памяти. Так один французский социолог рассказывал нам, как их муниципалитетам вменили в обязанность устраивать фотовыставки, проводить различные мероприятия, посвященные той войне, водить детей с цветами и венками на могилы участников Первой мировой и т. п. То есть способствовать преемственности национального самосознания. Французы научены горьким опытом нигилизма 20-х годов, когда они сами начали топтать свою историю, говорить о несостоятельности Франции, что посеяло пораженческие настроения в обществе, историческую апатию и привело в результате к капитулянтской политике перед Гитлером.

– А россиянам сегодня не грозят такие же упаднические настроения?

– Россия все же сильна необычайно. У Пушкина, помните: «...война и мор, и бунт, и внешних бурь напор ее, беснуясь, сотрясали. Смотрите, все ж стоит она!» Мы выстояли во все времена и сейчас выстоим. Представить невозможно, кто еще мог бы вынести то, что мы пережили в одном только XX веке!

Демография – вот наша беда. И опять все упирается в морально-нравственный климат в стране. Меня постоянно му-

чает вопрос, почему нация утрачивает инстинкт продолжения рода? Только ли здесь виноваты экономические условия жизни? Но ведь в России никогда не было много богатых, тем не менее, был у народа внутренний побудительный мотив, была энергия жить и умножаться.

Думаю, здесь мало экономических стимулов, нужно восстановить смысл исторической жизни, тогда захочется продолжаться. А когда тебе внушают в течение стольких лет, что апофеоз свободы – парады содомитов и транссексуалов, что твоя страна – неудачница мировой истории, что патриотом может быть только негодяй, – ценностные ориентации меняются.

Для общества гораздо страшнее нищеты атомизация нации. Если разрушить социальную ткань, то формируются целые категории граждан с психологией люмпенов, которые не ассоциируют себя ни с государством, ни с социумом, они не участвуют в его поступательном развитии. Это серьезная проблема для властей любой страны.

– А проблема самой власти? Когда во властных структурах сегодня можно заработать больше, чем в бизнесе – разве это не безнравственность?

– На эгоизм властей, кстати, сегодня обращают внимание во всех странах, даже в самых либеральных. В той же Америке государство начинает пристально следить, чтобы не выплачивались баснословные бонусы во время кризиса, считая это аморальным. Во Франции всех стараются уравнивать

за счет так называемых социальных пакетов...

Если уж быть западниками, к чему нас так призывают, то извольте обращать внимание и на эти стороны жизни, а не только на свободу голышом ходить.

– *Кризис, наверное, будет менять ориентиры и смыслы?*

– Мне кажется, да и Патриарх наш постоянно подчеркивает, что это испытание, которое должно привести к пересмотру очень многого. Ушли уже победные реляции, которые были в последние годы из-за формального роста экономики благодаря сырьевому сектору. Должен начаться пересмотр отношений между человеком и человеком, человеком и властью, предпринимателем и социумом, частным капиталом и государством. Если частный капитал хочет свободы, он должен быть поставлен в условия ответственности не только за своих рабочих, но и за развитие и модернизацию отрасли, в которой работает. Должна быть создана целая система зрелых отношений.

Прекрасно сказал Святитель Николай Велимирович: кризис – это суд Божий. Наверное, неслучайно он нас поразил. Надо только правильно понимать это и задумываться почаще, в чем мы виноваты.

– *К чему все же, на Ваш взгляд политика, может привести финансовый кризис, помимо переоценки ценностей?*

– При всех положительных тенденциях, которые наметились за последние 10 лет структура экономики в целом, к сожалению, не была изменена. И это делает нас уязвими-

ми именно для финансового кризиса. Индустриализации не происходило, системной стратегии создания значимого импортозамещающего производства не было, и сейчас, при резком изменении курса, нам – либо с дефицитом оставаться, либо страну закрывать.

– *Шутите?*

– Отнюдь. На самом деле, по всем экономическим и макроэкономическим показателям для инвентаризации ресурсов и инструментов выживания, можно было бы, без всякой идеологии, руководствуясь лишь здравым смыслом, частично и «закрыть» страну на время, чисто ситуационно. Просто, чтобы сформировать некую стратегию будущего, а потом уже, постепенно открываться. Кстати, о подобном задумываются сейчас и в некоторых европейских странах. Но кто у нас к такому готов психологически, когда столько лет совсем иное вдалбливалось в наше сознание? На всех экономических форумах только и ждут подтверждения и обещания не проводить протекционистской политики. Попробуй, ограничь частный вывоз национального достояния, – такой визг поднимется! А сколько всего сегодня уходит из страны! Так «Проект Россия» сам по себе закроется.

– *А в словосочетание «Проект Россия» Вы какой смысл вкладываете?*

– Когда я под майские праздники разгребала огромный сугроб у своего крыльца на даче (иначе он до лета не растаял бы), я вспомнила, что в Западной Европе даже во время

зимних сессий ПАСЕ в Страсбурге, в которых мне доводилось участвовать, в конце января все цело.

Единица комфортной и красивой жизни у нас всегда будет стоять намного дороже, а на каждого живущего «красиво» неизбежно придется в десять раз больше живущих убого. Слишком высока социальная цена за куршавельский рюмянец, и это не по-божески. Такое разнополярное общество не жизнеспособно в наших условиях исторически. Но мы вполне способны при наших ресурсах, интеллектуальном и технологическом потенциале обеспечить всем своим людям достойную жизнь, соответствующую стандартам XXI века.

Кстати, в той же Европе производит приятное впечатление отсутствие фетишизма у состоятельных людей. В отличие от наших там считается дурным тоном не только кичиться богатством, но и демонстрировать его – ездить на самых дорогих машинах, носить без повода драгоценности. У них какая-то этика достаточности во всем присутствует, здравый смысл, притом, что они давным-давно привыкли к определенному комфорту. Наверное, это и есть воспитание.

Думаю, кризис всю эту шелуху и с нас снимет и поможет нам вернуться к себе, нащупать нравственную золотую середину. То, что 20 лет назад еще было предметом зависти, уже превратилось в объект насмешек и анекдотов – вроде стиля жизни «рублевских жен». Это же тоже явление чисто российское.

– Похоже, наше общество быстро устает от гламура...

– Вообще-то в России всегда легко расставались с богатством. И философ Вальтер Шубарт, сравнивая нас с немцами и англосаксами, писал, что именно русской культуре совершенно не свойственно мелочное подсчитывание каждой копейки. А уж сколько сказок на эту тему сложено!

Главное, что мы должны из кризиса извлечь, так это понимание относительности самого понятия благополучия. И здесь без нравственного осмысления никак невозможно. В сущности-то, как мало человеку нужно...

– Но самое большое испытание, судя по всему, предстоит тем, кого принято называть средним классом, по нему опять сильнее всего ударил кризис. А ведь, как известно, во всем мире средний класс – это опора государства. Достаточно вспомнить лозунг французской буржуазии – «Третье сословие – это и есть нация»!

– Вот именно – опора государства, а вовсе не либеральной антигосударственной идеологии. Наши же горе-политологи думают, что буржуазии везде свойственно «отщепенство», о котором с горечью писал еще П.Б. Струве в «Вехах».

Средний класс был опорой и бисмарковской, и гитлеровской Германии, которая опиралась не на космополитические воззрения, а на национальные чувства именно бюргеров. Та же французская буржуазия поддержала наполеоновские амбиции.

Да и русский средний класс никогда не был оппозиционным. «Лето Господне» Шмелева – вот вам русский сред-

ний класс! Он любил свое Отечество, был богобоязнен, строил церкви. И после вакханалии 90-х мы стали наблюдать те же черты в нашем зарождающемся новом среднем классе. Не у избалованных легким заработком «мальчиков-менеджеров», а у настоящих трудяг-предпринимателей: они и церкви строят, и книги хорошие издают, и финансирует много чего доброго. Вот и задумываешься, насколько же ложен был посыл в начале 90-х: «Обогащайтесь, в добрый путь!» Это вообще-то слова Бухарина на Пленуме Московского совета 1921 года – без всякой нравственной составляющей.

Словом, средний класс всегда держался государства и поддерживал его. А сейчас для него этот кризис очень серьезное испытание. Но я думаю: – с его-то творческим потенциалом и духом предпринимательства да не выстоять?! А государство просто обязано ему помочь, а не только олигархам и банкам.

– А коррупция? Разве это не нравственный беспредел? Как тут совесть подключить?

– Человека, у которого ее нет в душе, никакой санкцией не остановишь. Да и горе тому государству, где удерживает от преступления только страх перед уголовным наказанием. Принцип англосаксонского права «Что не запрещено, то дозволено», – не проходит здесь. Потому что порядочный человек останавливается гораздо раньше, чем предписывает закон, а благородный – еще раньше, а тот, кто стремится к святости – еще раньше. Закон тогда только вступает в

силу, когда непорядочность приобрела масштабы социально опасные. А удерживать от преступления должны нравственные нормы. Если мы этого не поймем, то никогда не одолеем коррупцию.

– *Но этого ведь в законе не пропишешь.*

– Не пропишешь. Но нужно с детства вкладывать в голову, что самое ужасное и греховное – быть бесчестным человеком, непорядочным. А вера – это тот якорь, который делает человека более свободным и неуязвимым в любой реальности.

В нашей стране, как ни в какой другой, есть все, кроме, разве что, ровных газонов: ресурсы, леса, пресная вода... Все, за что будут бороться в XXI веке. Есть военная сила, которая гарантирует нас от посягательств на эти ресурсы; есть огромный научный потенциал. Мы – страна, имеющая сочетание всех факторов так называемого устойчивого развития. Страна богата, но ресурсы должны служить всем – это по совести. Они компенсируют нам расстояния, суровый климат с глубиной промерзания в 2 метра и отопительным сезоном 7–8 месяцев. Иначе, в открытой экономике, Россия нерентабельна!

– *Как Вы думаете, миропорядок изменится после кризиса?*

– Не в одночасье, но поменяется. Давление со стороны США в будущем, конечно, продолжится. Обама за тем и призван, чтобы морально приукрасить американские амбиции.

Волк пошел к кузнецу «голос подковать» – зачем? Да чтоб козляток обмануть, пропев нежно: «Откройте дверь, ваша мать пришла, молочка принесла!» Америка – самый большой должник мира и, чтобы оставаться ментором и диктатором, она будет создавать трудности другим: сеять конфликты, «ворошить угли» в других странах, дестабилизировать целые регионы.

Безусловно, произойдут изменения в соотношении сил между Западом и Востоком. Китай, хотя и затормозит свой победный шаг, все же не сойдет с пути активного и поступательного развития. Хотя надо относиться с большой осторожностью к его статистике роста: создание образа успешной КНР – целенаправленная политика Пекина.

Изменения коснутся и демографического равновесия. Западная цивилизация так и останется со своим миллиардом, а остальные будут расти и набирать вес, рано или поздно Европа окажется в чужих руках.

– *А России есть что сказать миру?*

– Россия востребована именно на поле идей и придания нравственного, духовного направления всем процессам, которые последние десятилетия рассматривались в сугубо рациональном ряду. Не надо ни иллюзий в отношении наших истинных возможностей, ни нигилизма и пораженчества. Россия уже своей величиной, масштабом истории и самостоятельностью выбора не позволяет управлять миром из одного центра. Россия – препятствие для так называемого «гло-

бального управления» и некая альтернатива мировым проектам. Она куда больше являет собой модель мира, чем Америка. Именно в России представлено все, что есть на планете – от архаизма до высочайшего полета научной мысли, у нас все климатические зоны и все ресурсы. Мы живем одновременно в трех веках: в XIX, XX и XXI-м. Это и бремя, и преимущество. Мы обладаем тем, чем никогда не обладали американцы – мы уважаем инакость других и не требуем отречения от нее.

Да, мы, как вы выразились, страна авангардного эксперимента. Попробовали то, другое, третье, и у нас огромный опыт созидания и разрушения, покаяния и возрождения, способности мобилизации для победы.

Сегодня, на новом витке человеческого развития, особенно на фоне кризиса, по моим ощущениям, бродит призрак того, что близко к христианскому социализму. И Россия может быть здесь первой. Нигде так не сильны одновременно ностальгия по социальному устройству государства и тяга к вере, к церкви, к традиционным ценностям.

У России огромный опыт в социальной сфере, который может быть переосмыслен, соединен со свободой творчества и экономической инициативы, наполнен совершенно новым духовным содержанием и побудительным мотивом. Надо только вспомнить, что социальная ответственность государства вытекает не из марксизма, а из 25 главы Евангелия от Матфея. Кого назвал праведниками Спаситель? Того, кто

обул, одел и накормил ближнего.

Об этом только забыли и у нас, и на Западе.

*Беседу вела Елена Липатова, «Литературная газета»,
№ 35, 2009 г.*

Хочется воскликнуть, как Суворов: «я – русский, какой восторг!»

Зачем Украина уничтожает историческую память и почему ненавидит Россию

Ничего не изменилось со времен революции и Гражданской войны: по полям Украины бродили враждующие друг с другом банды, всякие батьки Махно, Петлюра, гетманы менялись, но никогда не было общей идеи. Кому такая воля нужна?

Политик и общественный деятель, глава Парижского Института демократии и сотрудничества, президент Фонда исторической перспективы Наталия Нарочницкая считает, что русский народ переживает нелегкие времена, ведь это самый разделенный народ в мире. «Но без русских не может быть России, это пора понять всем, – уверена Наталия Алексеевна (на фото). – И прятать голову в песок по традиции XXI века, который разучил нас говорить на эти темы респектабельным, спокойным языком, без вражды к кому-либо, – это означает усугублять проблему, и тогда никакого будущего у России не будет».

Президент России, общаясь с народом, заметил, что русский человек прежде всего думает о каком-то высшем моральном начале, «поэтому он обращен больше не в себя, лю-

бимого, а развернут вовне». «Вечёрка» поинтересовалась у Наталии Нарочницкой: а что значит быть русским?

Многие мечтали окоротить Россию

– После того как Россия проявила национально-государственную волю и ощутила общенациональный подъем, единение людей, находящихся в самых разных жизненных обстоятельствах, разного уровня образованности, хочется воскликнуть, как Суворов: «Я – русский, какой восторг!» «Гордитесь именем русских, ибо сие имя есть и будет знаменем Победы» – это уже слова Кутузова, выгравированные в музее под Малоярославцем, где было сражение в 1812 году. Наши предки гордились своей страной, при этом у них не было никакой спеси, не было завышенной самооценки, и это отличает патриотизм русского человека, который есть любовь к своему, а не ненависть к иному. Поэтому никакие кальки XX века о шовинизме, о том о сем к русскому патриотизму не приложимы. Русский человек всегда отличался гораздо большим универсализмом, чем западные народы, хотя принято считать, что раз они столько веков претендуют на евроцентричную концепцию мировой истории, то именно они и универсальны. И хотя русский человек привержен своей вере, своим традициям, тем не менее сильнее остальных чувствует, что слово Христово обращено ко всем абсолютно, что никого нельзя считать варварами. Без такого отношения никогда бы русские не создали государства от Буга до Тихого океана, в котором плавно соединились через веротерпимое

православное ядро практически все цивилизации: католическая, протестантская, включая ислам и пантеистические государства Дальнего Востока. Никогда бы русские не смогли удержать свое государство, если бы не было такого отношения к согражданам, но, скажем, не братьям по вере. Именно мы создали такое государство, и этот опыт сегодня, когда все говорят о борьбе и соперничестве цивилизаций, бесценен. Россия – это уменьшенная модель мира. И нам понятны и проблемы дворцов, и проблемы хижин, проблемы людей без воды где-нибудь в Африке и взгляды чикагской богемы. Поэтому не американцы, а именно мы являемся моделью этого сложного мира с его противоречиями, его перепадами в культуре, в цивилизации, в технологии, в климате, если хотите. Нам есть чем гордиться – мы построили огромные города-миллионники и промышленность...

С марксистами нельзя договориться

– Наталия Алексеевна, вы отметили универсальность русских, но почему тогда в мире сильны русофобские настроения? Они были даже у Маркса и Энгельса...

– Дело в том, что марксизм – настолько противоположная русскому религиозному мировоззрению доктрина, что, конечно, Россия представлялась им врагом. Энгельс откровенно писал об этом в некоторых своих статьях, которые опубликованы и у нас, хотя полное собрание его сочинений в России так и не издано. Марксизм – чисто западная теория, которая не могла родиться на нашей почве. Британский исто-

рик Арнольд Тойнби прямо писал: марксизм никогда не мог родиться на русской почве, потому что мы очень искренние и пламенно отдаемся всему тому, во что мы, пусть даже временно, уверовали.

– *А отчего все-таки возникла русофобия у классиков марксизма? Они очень боялись панславизма?*

– Да, они обвиняли Россию, и абсолютно ложно, в том, что за всеми антиевропейскими идеями стоял грозный русский царизм, который, как писал Энгельс, считает своим достоинством все, что есть в Европе. Это полная чушь, потому что даже на Первом славянском конгрессе единственным русским был Бакунин – опальный человек, которого царское правительство заключило в крепость. А Маркс вообще считал, что Россию надо вернуть к временам Столбовского мира. В произведении, опубликованном дочерью после его смерти, – «Тайна дипломатической истории XIX века» – говорится, что все зло мировой политики от России. Энгельс тоже считал, что русская дипломатия – главный враг. И Вера Засулич писала, что если в министерство мы сумеем внедрить наших людей, то тогда силу России сумеем уменьшить, окоротить. А Ленину была абсолютна чужда красота русской религиозной жизни – та, что описал в «Лете Господнем» Иван Шмелев: он описывает литургический год, построенный на «Житии» и переживаемый от Рождества и до Пасхи, где весь круговорот жизни соединен с переживанием о судьбе Христа и его воскресении.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.